

Олег РОИ

ШАЛЬ

Олег Рой

Шаль

«Олег Рой»

2012

Рой О. Ю.

Шаль / О. Ю. Рой — «Олег Рой», 2012

ISBN 978-5-699-57816-0

От Милы ушел супруг. И кто бы мог подумать, что на ее сторону встанет... свекровь! И не только встанет, но и проживать невестка с матерью мужа будут вместе! Этот необычный, редкий для всех времен тандем обусловлен и чувством вины за непутевого Арсения, и заботой о внучке, девочке одаренной и необычной. Но выдержит ли материнское сердце сыновний бунт? Сможет ли свекровь смириться, что рядом с Милой рано или поздно окажется другой мужчина?

ISBN 978-5-699-57816-0

© Рой О. Ю., 2012

© Олег Рой, 2012

Содержание

Часть первая	5
Москва, июнь 2008-го	5
Москва, декабрь 1991-го	17
Москва, июнь 2008-го	25
Москва, июнь 1994-го	30
Москва, июнь 2008-го	37
Москва, ноябрь 1998-го	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Олег Рой

Шаль

Часть первая

Москва, июнь 2008-го

Голубой экран телевизора неярко светится, мерцает и постепенно меркнет, все расплывчатее и глуше становится его звук и тихо-тихо угасает... Издалека совсем негромко наплывает мамин голос:

Спи-тко, Володюшко,
Спи-тко, милашенько,
Лю-лю! Лю-лю!
Спи-тко, робенок дорогой,
Ненаглядный, золотой...

Если свернуться калачиком, то в мамину шаль можно укутаться с головой. Нежный пух лезет в нос, щекочет веки, зато тепло и уютно. Наверное, так же хорошо котяткам под брюшком у кошки. Охранит и защитит. Надежно... Спокойно...

Спи-тко подоле,
Вырастешь поболе.
Вырастешь велик —
Станут девушки любить.
Станут девушки любить,
Станут молодушки хвалить.

...Вот тетя Люба, соседка, она девушка или молодушка? Если вырасти и на ней жениться, то и дочку заводить не надо, у нее уже есть...

Станешь в школу ходить,
Станешь книжки учить,
Выучишься в книге,
Станет батюшко женить,
Станешь свататься к невестам,
Станешь...

За всю свою тридцатисемилетнюю жизнь Володя Степанков так и не узнал, что же там будет после этого «станешь...». Ребенком на этом слове он проваливался в глубокий сон, и его, уже спящего, ничего не слышащего, укутанного в мамину пуховую шаль, переносили из кресла перед телевизором – в постель.

Утром он забывал спросить: что же там бывает после сватанья к невестам?

А потом жизнь завертелась, набирая обороты, и из глубокого сна, постоянно возвращавшего в детство, его, как правило, вырывал противный звук электронного будильника. И опять

ситуация с невестами оставалась неразгаданной, таинственной, неясной. Хотя жизненный опыт уже кое-что подсказывал, но сомнения все же оставались: а вдруг? А если что-то? Мало ли...

Вот и сегодня, продлись хоть чуть-чуть сон, и он бы узнал, услышал бы продолжение песни. Но будильник был безжалостен и неумолим: Володя проснулся на булькающем водяном матрасе в своей обустроенной в стиле «техно» квартире. А квартира была в знаменитом своей неприступностью для простого смертного доме на Кутузовском проспекте Москвы. День ему предстоял преотвратительнейший. Да что там говорить, просто гадкий и мерзкий. Как эта летняя, но вопреки законам природы холодная, дождливая погода за окном.

И это еще при всем том, что он не знал, духом не ведал, не догадывался, что именно сегодня, волею ли случая, провидения ли, жизнь его круто изменится. Помимо его воли в силу странных, неподвластных ему обстоятельств она потечет по иному руслу. И платить ему за все происходящее придется самой высокой ценой – возможно, своей или чужой (это пока еще чужой, а потом уже и близкой, ближе и родней, чем своя) жизнью. Быть может... Но пока он не знал этого, и плохое настроение у него было совсем по другому поводу.

Ну, что там скрывать, он терпеть не мог оправдываться! Еще в детстве дед наставлял его: «Оправдывается тот, кто не прав. А кто не прав, бывает бит». Эта дедова заповедь запала в память на всю жизнь, стала правилом поведения, непреложным законом. И сейчас назойливо липла-вспоминалась, не хотела отпустить... А ведь придется оправдываться. За тем и встреча назначена. Может, еще и бит будет. Ну, допустим, фигурально. А то и натурально. Миша – художник. Талантливый. А у художников, особенно у талантливых, драться – это второе после живописи увлечение. Этаким действенным способ общения. Но все-таки, скажите на милость, как можно быть неправым, помогая другу? Правда, помогая тайно. Но это для того, чтоб не обидеть, не уязвить его гордость. А получается, что ты высокомерничаешь, снисходительно кидаешь подачку. И разве докажешь, что это совсем, совсем не так. Ну вот, сегодня тайное должно стать явным, и объяснить, как все это получилось, будет очень трудно.

К месту предстоящего «аутодафе» (ресторан «Пирамида» не знал, не ведал, что ему отведена столь мрачная роль), даже не подозревая о душевных терзаниях хозяина, Володю Степанкова важно и уверенно нес черный, сверкающий никелированными деталями огромный джип – краса и гордость преуспевающей и процветающей фирмы. Он бережно покачивал в своем огромном чреве водителя, аккуратно, но настойчиво теснившего автомобили помельче. Покачивал и близнецов-охранников, бдительно высматривающих через затемненные окна гипотетических киллеров, которые могли коварно затаиться в разношерстной толпе прохожих. И, разумеется, покачивал и самого главного – шефа, сегодня отчего-то печального, задумчивого, явно чем-то встревоженного.

Справа проплыл великий пролетарский поэт, вскинувший в приветствии руку и, видимо, подсказавший своему тезке из джипа что-то неслышное для остальных. Ибо тот вдруг встрепенулся и отдал команду:

– Останови-ка у подземного перехода на Пушкинской. Дальше я сам. Сегодня все свободны. Завтра – как обычно.

Хлопнув дверцей и оставив свиту в недоумении, Степанков двинулся к подземному переходу, запахивая пиджак и раскрывая зонтик.

Он и сам недоумевал, почему вдруг решил выйти здесь. Позже, гораздо позже, когда станет рушиться его мир, так тщательно, скрупулезно созданный его трудом, изматывающим и круглосуточно напряженным, он вспомнит этот бросок в подземный переход. Что его столь властно вытолкнуло тогда из машины? Так некстати прерванный сон? Необычная для этого времени года погода? Ноющее, как зубная боль, нежелание встречаться с Михаилом? Сейчас он наспех объяснил себе это тем, что мог опоздать, если бы поехал на машине до разворота в этом медленно текущем потоке. Опаздывать, да еще в сложившейся ситуации, было бы просто... было бы просто... просто...

Он встал как вкопанный. Обернулся. И как-то сомнамбулически пошел назад. Там, неподалеку от старух, торгующих букетиками, и мальчишки, раздающего рекламные листки, стояла женщина в пуховой шали на плечах. Той, маминой – или точно такой же – пуховой шали. Он только что прошел рядом с ней.

Женщина стояла прямо, придерживая на груди пушистую шаль. Она ничего не продавала, у нее не было картонной таблички с накорябанными словами жалостливой просьбы. Седые волосы собраны в пучок, бледное лицо напряжено. Она с усилием вытягивала шею, словно выискивая кого-то в потоке прохожих. Вот она устремилась к какому-то солидному мужчине, резко протянула руку, словно выбросила ее перед собой. От неожиданности мужчина отшатнулся, неловко зацепил ее портфелем и заспешил дальше. Женщина просила подаяния. И явно не умела этого делать.

Степанков увидел, как она зажмурилась, потом открыла глаза, повернулась и пошла было вниз, в подземный переход, на ходу вытирая слезы. Но, пройдя несколько шагов, остановилась, выпрямилась и решительно направилась на прежнее место.

Ему была видна ее прямая спина, обтянутая шалью. Женщину никто не замечал. Бабки болтали между собой, мальчишка бойко атаковал прохожих.

Степанков застыл, он не мог двинуться с места. Ему мучительно хотелось подойти к незнакомой женщине, зарыться лицом в мягкий пух шали, вдохнуть знакомый запах и сказать: – Мама...

Он чувствовал этот запах отсюда. Он почувствовал бы его за тысячу метров среди многотысячной толпы. Шаль непременно должна была пахнуть духами «Красная Москва». Куда она делась потом? Как-то бесследно исчезла из его жизни. Бесследно ли...

Он подошел к женщине, мягко взял ее за локоть. Она испуганно отпрянула. В ее глазах с покрасневшими веками читался испуг.

– Простите, можно с вами поговорить?

– Я вас слушаю... – Голос ее звучал хрипловато, как у долго молчавшего человека.

– Здесь неудобно, зайдем куда-нибудь.

Женщина послушно пошла за ним. На Тверской они вошли в первое попавшееся кафе. В маленьком зальчике у единственного окна, выходявшего на улицу, был свободен столик. Здесь они и присели.

Через улицу, сквозь морозящий дождь Степанков видел освещенную «Пирамиду». Там у окна сидел тот, к которому он ехал на встречу еще десять минут назад. Володя оглянулся в поисках официанта. За баром у кассы стояли девушки в красно-желтой форме. Официантов здесь не полагалось.

– Давайте знакомиться? – Володя внимательно посмотрел на женщину.

Она продолжала кутаться в шаль и, словно выглядывая из пушистого кокона, с интересом осматривалась. Сквозь бледность худого скуластого лица с правильными чертами проступил неяркий румянец. Наконец она внимательно, но с усмешкой взглянула на него.

– Возраст дает колоссальные преимущества, молодой человек. В молодости я бы себя чувствовала по-дурачки. Прикидывала бы, что вам надо, кто вы такой. А теперь я заинтригована, но спокойна. Со старухи взять нечего. Меня зовут Зоя Павловна.

– А меня Владимир Иванович Степанков. Простите... Это, наверно, не мое дело... В общем, я видел, как вы пытались просить милостыню. Ясно, что это не ваше основное занятие. Понимаю, это не повод для знакомства, но если вы не против, расскажите, в чем дело? Только, секундочку, – здесь, я вижу, самообслуживание. Что вам принести?

– Чай с сахаром и пирожок с яблоками, – женщина слабо улыбнулась, – это их фирменное: наш ответ «Макдоналдсу».

Степанков направился к стойке, женщина посмотрела ему вслед. Симпатичный, ладный, ухоженный – все качественное, дорогое. Как у ее сына Арсения. Густые светлые волосы, нездешний загар, карие глаза.

Степанков вернулся с подносом, поставил на стол стаканчики с чаем и тарелочку с пирожками.

– Знаете, Володя, – можно я вас так буду называть? – раз вам любопытно, значит, это вам нужно. Я расскажу. Действительно, я просила подаяния. И действительно, делала это впервые в жизни. История, в общем-то, простая, житейская.

«Ну, нет, – подумал он, глядя на ее вздрагивающие пальцы, мнущие пластмассовый стаканчик, – не все так просто... как это хочется ей показать».

– Дело в том, – продолжала между тем Зоя Павловна, – что у меня есть внучка. Девочка, как вам сказать... особенная. У нее через две недели день рождения.

– И что? – удивился Володя.

– Да-да, конечно, это не повод, чтобы просить деньги на улице. Дело не в дне рождения... Все гораздо сложнее... Понимаете, Володя, Лизонька – способная пианистка. Ей вот-вот исполнится тринадцать лет. Она учится в хорошей музыкальной школе. Школа платная. И... у нас нет денег на последний класс. В другую школу мы ее перевести не можем... Но это, впрочем, целая история, вам ни к чему.

– Вы живете вдвоем с внучкой?

– Нет, втроем. Мой сын оставил семью.

– И вы живете с внучкой и невесткой?

– Да. Моя невестка – переводчица, берет работу на дом, иногда переводит фильмы или какие-нибудь деловые переговоры. Словом, зарабатывает от случая к случаю... Конечно, денег не хватает. Иногда очень... Моя пенсия, ее неопределенная зарплата, пособие девочки... За учебу надо платить за год вперед. Мы продали все, что можно было продать. Я собрала все, что у меня было... Не хватает шестисот долларов.

Чай из стаканчика расплескался. Зоя Павловна стала промокать лужицу салфеткой.

– А отец? Что с ним? Он что – неплатежеспособен?

«Надо затормозить, не напирать... Что это я, она же не партнер по бизнесу, уклоняющийся от договоренности. Просто незнакомая, симпатичная пожилая дама, немного склонная к истерике. Это бывает. У нее наверняка есть родственники, взрослые дети... Так что не мое это дело», – думал он, тем не менее продолжая задавать вопросы.

Зоя Павловна грустно смотрела на Степанкова и только плотнее куталась в шаль.

Он же злился на себя, но ничего не мог поделать – расспрашивал, расспрашивал, расспрашивал...

А там, через улицу, за стеклом «Пирамиды», грозившей сегодня стать его лобным местом, словно виделся плотный затылок человека, который ждал его.

– Вы торопитесь? – Зоя Павловна успокоилась, разлитый чай впитался в салфетку. – Ничего, все хорошо... Спасибо вам, я высказалась, отвела душу. Теперь понимаю, мой поступок – просто сумасбродный, безрассудный порыв. Мы справимся. Невестка не знает, что я вышла попрошайничать. Ей стало бы плохо. Ведь она запретила мне просить деньги у сына. Говорит, что дано, то и дано.

– Я принесу вам еще чаю.

Потом они пили чай и ели (надо сказать, вкусные) пирожки. Зоя Павловна откинула наконец шаль, мелкими глотками прихлебывала из стаканчика, а Степанков смотрел на ее худые руки с мелкими коричневыми крапинками и видел, что они все еще слегка дрожат. На тонких пальцах со слегка утолщенными суставами нет колец. Такие же руки были у мамы, всю жизнь проработавшей машинисткой в заводоуправлении. Давно не видел он стариковских рук, не разговаривал со старшими. У себя на работе привык командовать. Там в основном были

молодые секретарши с яркими ногтями или женщины среднего возраста, чьи руки с пальцами, унизанными кольцами, клали на его стол бумаги на подпись. Не отрывая взгляд от «таких маминых» рук, он рассеянно слушал, как Зоя Павловна, не торопясь, как-то безразлично и устало рассказывала ему о сыне. Тот занимался бизнесом, у него была фирма, которая «процветала» и «раскручивалась». Начинал он с продажи компьютеров, теперь торгует еще чем-то, она уже не знает, чем. Но часто видит из окна кухни, как Арсений выходит из соседнего подъезда, садится в новую машину и уезжает. Иногда с охраной, иногда с какой-нибудь девушкой. Раньше девушки менялись. Последние полгода это одна и та же девушка. Она рада, что у сына все, как видно, хорошо. Но все же у него такая семья, которую нельзя было бросать. А он бросил, решительно и бесповоротно.

– В вас говорит женская солидарность. Мужчины не могут объяснить, почему они уходят от жен. Даже родной матери, – вступился за незнакомого Арсения Степанков.

– Не в этом дело. Я родила Арсения тоже не в первом браке. Муж вскоре после его рождения умер, а не ушел к другой... Это я бы поняла. Но нельзя бросать детей. Особенно таких, как наша Лиза.

– Но если девочка талантлива, усидчива, она не пропадет.

– Это долго объяснять, да и зачем вам знать о наших делах. Вот лучше ответьте мне: раньше все было нашим, всеобщим, как нам говорили, да и на самом деле все обстояло почти так. Потом все стало принадлежать каким-то бандитам, «кабанам» и «шепелявым», как говорил мой сын. А теперь как-то сразу вдруг все перешло к чему-то обезличенному – к холдингам, банкам, консорциумам. Мне постоянно кажется, что за затемненными окнами дорогих машин ездят люди-призраки. Они ничего не понимают в нашей жизни, у них пустые глаза и, простите, нет души.

Мой сын как раз стал одним из них, он такой же, с пустыми глазами. А может быть, я сама виновата в том, что у меня нет денег... – Зоя Павловна опять стала нервно стягивать пушистую шаль на груди.

– Да ладно вам, Зоя Павловна, такие рассуждения уведут нас далеко. Вы преувеличиваете. У вас талантливая внучка, сноха, или как там... невестка нормальная. Сын, в конце концов, жив, здоров и процветает.

– Дело в том, Володя, что Лиза родилась почти слепой. Мы ее упорно лечили. Мила даже ездила с ней в Израиль. Тогда сын еще не ушел от нас, и деньги были. Не помогло. Нам предложили сдать ее в интернат, пока она маленькая. Это специальный интернат для слабовидящих детей. Лиза прожила бы всю жизнь среди таких же, как она. Если бы выжила. Она была еще и слабенькая, все время болела. Вы не представляете, что мы пережили. В нашем роду, да и у Милы тоже, я хорошо знаю ее родителей, никаких патологий не случалось. Откуда взялась эта напасть? Ума не приложу.

В детстве в маленьком городе, где он вырос, Степанков слышал подобную историю. У маминой подруги был слепой ребенок. Она сдала его в интернат, потом родила других, здоровых, детей. И не вспоминала о старшем. Мама с бабушкой всегда недоумевали, как такое можно сделать.

Зоя Павловна говорила так же спокойно, как когда-то мама и бабушка. Она рассказала, как невестка «училась» вместе с Лизонькой, стала ее глазами. Причем училась в обычной школе, ведь девочка не совсем слепая, а слабовидящая. А она, Зоя Павловна, помогает им. До ухода Арсения жила отдельно, а потом переехала в семью невестки.

Когда Арсений ушел, Мила вынуждена была пойти работать. Она брала работу на дом, делала переводы, пока Лиза в школе. Мила и стала заниматься с Лизонькой музыкой. Ведь сама она окончила музыкальное училище. Но «перетрудила» руку, такое бывает. И все. Попрередавала немного и перестала. Мол, не может возиться с бездарями. Да и платят совсем плохо, чтобы хоть как-то заработать, надо набирать много часов.

– Вы, наверное, слышали об этом. Сейчас о школе такое пишут... В музыкальной – то же самое. Целыми днями пропадать на работе она не могла. – Зоя Павловна тяжело вздохнула. – Мила упорная, она закончила вечерний факультет иностранных языков. Лизочку к английскому приучает. Та уже со слуха хорошо переводит. Они магнитофон слушают, разговаривают между собой. Лизонька даже поет по-английски. Как ребенок, конечно. Но все равно... Голосок у нее приятный. – Зоя Павловна помолчала и, словно подводя итог, сказала: – У Лизы идеальный слух. Так бывает. Компенсация как будто... Теперь вот должна была окончить музыкальную школу. В общеобразовательной Лиза учится в обычном классе. Там тоже требуют денег, хотя и не так много. Но, наверное, придется отказаться от музыкальной школы. Очень обидно. Ею так гордятся, она на всех отчетных концертах выступает. Лиза смогла бы стать настоящей пианисткой. объехать мир... Мы об этом так мечтали. Но ничего не поделаешь. После дня рождения придется сказать ей, что последнего класса «музыкалки» не будет. Ну что ж, спасибо за чай. Мои будут беспокоиться, если я не приду к обеду.

– Зоя Павловна, вот вам моя визитка. Дайте мне и ваш номер телефона или адрес. Может быть, я смогу помочь. Есть у меня одна идея.

– Спасибо, – Зоя Павловна внимательно посмотрела на него.

И он опять подумал о том, что не разговаривал с пожилыми людьми уже несколько лет, что после смерти отца так и не ездил на родину. В Москве у него нет родственников, знакомых семей, где были бы пожилые люди. Собственно, он старался и не обрести знакомствами, не привязываться ни к кому, чтобы «не потерять скорость».

Степанков проводил Зою Павловну до перехода и взглянул на часы: ни о какой встрече можно уже не думать, да и в окне «Пирамиды» маячит другая фигура. Он поймал машину и через пятнадцать минут был дома.

Квартира встретила хозяина, как всегда, чистотой и покоем. Домработница Неля приходила дважды в неделю: вела его нехитрое холостяцкое хозяйство, готовила. Володя не любил ресторанной пищи, не любил долгих шумных застолий. Некоторые его друзья умудрялись даже завтракать в ресторанах. Он не позволял себе тратить на это время. Ему нужно было работать и работать. Он поздно приходил домой, где его ждали почти непрерывные телефонные звонки. По выходным тоже работал или уезжал за город. И в таком ритме жил уже много лет. В свои тридцать семь он не был убежденным холостяком. Просто все время думал, что вот-вот найдет свою девушку, которой ничего не надо будет объяснять, с которой не надо будет притворяться. Он хотел оставаться таким, какой есть, каким сотворила его природа. Вокруг него было полно девушек, молодых, раскованных, готовых разделить «участь» состоятельного бизнесмена. Все время рядом вертелись эффектные особы, увлеченные собственной красотой. Они утомляли своим однообразием и неприкрытыми целями. «Всех стоящих разобрали, – с шутливой грустью говорил он друзьям, – моя пока не встретилась». И каждый день, как в омут, окунался с головой в работу, в ее сложные, но подвластные ему проблемы. Конечно, святым он не был: романы, романчики, интрижки... Это – да. Но домой к себе предпочитал никого не водить. Это была его территория. Он понимал, что отсюда просто так девушку не выставишь.

А дом его был воистину хорош. Крепкий дом, стильный, как у многих уважаемых холостяков. Ничего лишнего, все строго и функционально. Ничто не отвлекает. Все для того, чтобы лучше работалось. Кое-что из вещей своего прошлого он привез сюда, когда продал родительскую квартиру в N-ске. Ящики эти так и стояли в лоджии. Однажды он даже решил, что надо выбросить все это. Но одумался. А потом и вовсе забыл о своем «музее».

В ящиках лежали виниловые пластинки, проигрыватель, семейные фотографии, книги из дома деда. Упаковал он и старый самовар. Самовар был в форме шара, в боку его зияла дыра, посеребренная поверхность облезла, и стал он теперь почти красным. Пользоваться им, конечно, нельзя. Даже если его починить, то все равно – к такому самовару нужна дача. А дачей

он решил не обзаводиться. Зачем? Это целая морока. Степанкова вполне устраивали загородные пансионаты, которых вокруг Москвы великое множество. Но больше всего он любил новые места и новые страны. Хотя, впрочем, свою холостяцкую квартиру любил больше новых стран. Здесь его прибежище, его нора, его берлога, его праздник. Квартира эта была куплена на его первые большие деньги.

Оформив покупку, Степанков долго не въезжал сюда, жил на съемной квартире, пока шел ремонт. А здесь вовсю проявляли свои способности и профессионализм модные по тому времени архитектор, дизайнер, высокочеловеческие строители. Он изложил им свои требования, долго перебирал проекты и предлагаемые планы. В итоге явилось то, что он хотел. Солидная профессорская квартира превратилась в идеальное жилище состоятельного холостяка. Ему нравились высокие потолки, старый реставрированный паркет, мусоропровод на кухне, дребезжащий за стеной лифт, отличный вид с одиннадцатого этажа на Лужники и университет, заново отстроенная набережная и новый мост, ведущий к гигантской стройке района – Москва-Сити.

Он думал, что будет делать все сам и ему не понадобится домработница. В то время домработницы были, как правило, только у иностранцев, подолгу живших в Москве. Он как-то видел на приеме в одном русско-французском доме филиппинскую прислугу. Это была тихая, несуетливая пара среднего возраста. Тогда-то он и понял, что такое высший класс, профессионалы: удобно, можно доверять, не тратить усилий на выяснение отношений. И когда у него стала работать Неля, он понял, что ему повезло. Домашние заботы перестали существовать для него.

Вот так он «делал» свою взрослую жизнь: что задумывал, то через некоторое время и свершалось. И все это началось именно с устройства его дома. Того дома, куда он наконец сегодня добрался и открывал тяжелую двойную дверь. Крепость. Бастион. Цитадель. Скорлупа – пусть даже так. Зонтик, обувь – все в прихожей по местам, по ячейкам. В спальне – костюм в шкаф-купе и быстрее – б-р-р, прохладно – в пушистый пуловер, джинсы. М-да, лето не лето. Нуте-с, что там у нас в холодильнике, что приготовила мастерица Неля? Курица по-грузински, салат... Чайник еще не остыл, но все же подогреем.

Степанков, поглядывая в окно, со вкусом расправился с курицей. Он пытался выкинуть из головы сумбур из отрывочных эпизодов сегодняшней странной встречи, несостоявшегося свидания с Михаилом и чего-то неясного, смутного, надвигающегося, чему он еще не знал названия... Следуя давно заведенному ритуалу, плеснул в широкий стакан любимого «Бифитера», добавил немного тоника и пару кусочков льда. Пора в «шоу-рум», как это теперь называется. А проще – в небольшой уголок в гостиной, на мягкий кожаный диван, вытянуть ноги, пригубивать джин и выбивать утренние мысли бредом дневных теленовостей, развлекательных шоу, боевиков и прочей дребедени. И здесь Степанков любил то, что имел: вместо телевизора на стене висела плазменная панель в серебристой раме. Подобрана она была точно по размерам пространства, строго по интерьеру. Строго, чтобы он, Степанков, глядя на это чудо техники, оставался доволен этой панелью, этой квартирой, этой жизнью, этим самим собой...

Дорогой агрегат, напрягая все свои возможности, пытался угодить хозяину: эротические страсти, бешеная перестрелка из всех мыслимых и немыслимых видов оружия, кувыркающиеся и взрывающиеся машины, террористы, землетрясения, наводнения, пожары... Щелк-щелк... По «Культуре» на фоне надутых гигантских средств одноразового пользования или похожих на них предметов нудно предвещают гибель русской литературы. Щелк-щелк... «Секс в большом городе»... А перед глазами – худая женская фигура, острые плечи, руки, подрагивающие пальцы, смятый пластмассовый стаканчик, разлитый чай, выцветшие грустные, все понимающие глаза... Лизонька – необычайно одаренный ребенок... Мила не знает, что я пошла... Шаль. Пуховая шаль, стянутая на груди. Да отцепись же ты – щелк – и нет «Секса в большом городе»... И плотный затылок Михаила в окне «Пирамиды»...

Позвонить? Нет, не сейчас. Михаил... Мишка... Большой друг из прошлого.

Прошлого, которое в последнее время зачем-то настойчиво преследует его. Прошлого, от которого хотелось уйти, избавиться. Но это его прошлое, он там был не один, был частью чего-то большого, гораздо большего, чем он сам. А сейчас в гигантском городе – он один... Нет, от этих мыслей просто так не отделаться. Попробуем сосредоточиться... Сосредоточиться... Скажем... Степанков покрутил в руке стакан... Сосредоточимся, например, на джине. «Бифитер». Да, «Бифитер» приятнее «Гринлса» и «Гордонса»... Тоник лучше израильский, без сахара, и хинин натуральный. Вот так, немного берешь в рот и, не глотая, проводишь кончиком языка по деснам, небу... Прислушиваешься к ощущениям... Глоток... Ждешь... Вот только теперь начинают работать ступеньки послевкусия. У каждой ступеньки свой оттенок. Чем больше этих ступенек, тем ценнее напиток. Не только, кстати, джин. Ликер, десертное вино, херес, мадера, портвейн, бастардо... Коньяк и ром распознаются и оцениваются несколько иначе... Степанков улыбнулся, вспомнив то ли анекдот, то ли где-то вычитанное: в Штатах нашего шпиона разоблачили из-за того, что тот пил джин зимой. Джин – традиционный освежающий летний напиток. Хотя кто сейчас этого придерживается...

Степанков поежился: м-да, лето... Прохладно... Когда-то, давным-давно... когда он был еще маленьким, мама каждую субботу подставляла табуретку к огромному, как мамонт, шифоньеру, доставала шаль, аккуратно завернутую в пакет. Это была большая и очень пушистая шаль, которую связала бабушка. Пряжа была из особого козьего пуха, ее где-то заказывали, откуда-то привозили. Перед тем как совершить покупку, женщины долго обсуждали достоинства разных видов шерсти, сравнивали цены. Он помнил эти разговоры. Теперь-то он понимал, что это была, видимо, очень дорогая вещь. Мама берегла ее и вынимала из пакета по субботам. Да еще несколько раз надевала на родительское собрание и семейные праздники.

Достав шаль, она усаживалась у телевизора, включала любую программу, брала особую массажную щетку, которой, кроме мамы, никто в доме не имел права пользоваться. Такие щетки дарили на работе на Восьмое марта профсоюзные комитеты. Мама берегла свою «массажку» и говорила мужчинам: «А вам, лысым, нечего. У вас есть пять пальцев». Отец, который до самой смерти так и не стал лысым, не обижался, ему нравилось, как мама шутит. А она бережно расчесывала шаль, и та становилась еще более пушистой, ворсинки поднимались и стояли, пошевеливаясь, как живые. А когда шаль сворачивали, то получался большой кот, вздыхающий во сне. Мама же бережно вытаскивала из щетки пушинки и складывала их в отдельный мешочек, который хранился там же, на шкафу. Приходила бабушка, и мама отдавала мешочек ей: бабушка добавляла пух к шерсти, из которой вязала шапочки и шарфики.

По субботам мама, завернувшись в шаль и уже готовая к выходу, совершала еще одно действие, которое Володя помнил и теперь. Она доставала откуда-то маленький флакончик «Красной Москвы», бережно открывала крышечку, каким-то особым, изящным движением запускала мизинчик именно в крышечку флакона и легко и коротко прикасалась к шее, где-то за ушами. Флакончик этот, казалось, был нескончаемый. Но однажды Володя увидел, как мама подошла к умывальнику и капнула в пузырек несколько капель воды...

Летом, перед выпускным классом, Володя пошел на комбинат. Всю свою первую зарплату он истратил на какие-то совершенно сумасшедшие французские духи и подарил их маме. Она заплакала, забыв даже поблагодарить сына.

Вспоминая это, Степанков дважды добавлял в стакан джин с тоником, но не пьянел, а становился только задумчивей. Ну, надо же, как он сделал сегодня стойку на шаль, и там, в этом «Русском бистро», он смотрел на старую женщину и вспоминал свою рано ушедшую мать, вспоминал своего отца, глубоко погружался в прошлое. И опять, как зубная боль, как невырезанный аппендикс, назойливо ныло воспоминание о несостоявшейся встрече с Михаилом... К отцу у Володи было особое отношение, странное для сына. Обычно мальчишки хотят казаться похожими на главного мужчину в доме, подражают ему. У них же все выходило сложнее.

Суббота в их городе была особенным днем. Вечером они с мамой ждали, когда возвратится отец. Как правило, он приходил сильно навеселе, «подвыпивши». В Москве Володя такого слова в своем окружении даже не слышал, только видел иногда из окна машины, как, шатаясь, бредут по вечерам мужчины в рабочей одежде. Но тогда в их городе в таком состоянии в субботу возвращались все нормальные мужики. Они работали на комбинате. А это тяжелый труд.

Всю неделю отец не высыпался и очень уставал. И по субботам они с друзьями собирались возле маленького магазинчика на их улице. Там была беседка. Мужчины пили пиво. Каждый приносил что-то из дома. Кто – рыбку, кто – колбаску. Это было – их время, и никто не мог посягнуть на него.

Такие посиделки не осуждались: по всему городу там и сям сидели люди. Сидели на лавочках, пили пиво, разговаривали. Бутылка водки появлялась очень редко. Распитие спиртных напитков в общественном месте строго каралось. Направляли бумагу в цех, лишали премии, вычеркивали из профсоюзных очередей на всякий, даже малый дефицит. И мужчины наслаждались тем, что выпивали по несколько литров пива, шумно беседовали, иногда играли в домино. Вечером отец возвращался домой пьяненьким. Но в отличие от других – не буянил, был тихий, может, даже тише, чем в трезвом виде.

Это стало традицией: он с порога целовал сына в лоб, целовал жену, пил крепкий чай и, несмотря на его крепость, сразу же засыпал, едва добравшись до кровати. А мама спускалась во двор. Туда, где собирались такие же жены работяг, как она. Усаживались на длинную лавочку, доставали мешочек с семечками, и начинался бесконечный разговор. Женщины перемывали косточки обитателям всего двора, рассказывали о себе, о своих мужьях. Иногда плакали. Расходились поздно вечером.

Когда мама возвращалась, он брал ее шаль, забирался с ногами в кресло, смотрел телевизор и думал, что не станет таким, как отец. Хотя он любил отца. Это был ласковый, спокойный человек и в трезвом виде, и во хмелю. Но Володя видел, что отец страдает. Страдает от самой жизни, от того, как она устроена. Отец на войну не успел, ни в какие интересные поездки не ездил, ничем особенно не увлекался. И хотя алкоголиком не был, выпивал понемногу регулярно. А вот после того как он исчез из их дома, из города, а потом, спустя годы, вернулся, запил сильно. К тому времени его жена, мама Володи, уже умерла, он был на пенсии и сидел дома. А Володя тогда бешено «крутился» в Москве и не мог забрать его к себе: он сам снимал квартиру.

Известие о смерти отца пришло неожиданно. Умер отец тихо, не болея, во сне.

В самолете Володя все еще думал о делах, даже ловил себя на недовольной мысли о том, что его оторвали от них в такой неподходящий момент. Еще не осознал происшедшего.

А потом, на кладбище, когда гроб стали опускать в могилу, когда о крышку глухо застучали комья глины, вдруг понял, что остался совсем один, что они в последние годы так мало виделись и разговаривали с отцом. Да и о чем?

Выйдя на пенсию по состоянию здоровья, а не по возрасту, отец засел дома. Огородником или дачником, как большинство пенсионеров, не стал. Копаться в земле он не любил. А может, оттого и не любил, что не мог на ней работать из-за болезни. Когда начались перемены и стали появляться частные лавочки, отец закручинился еще больше, а выпив, забывал обо всем. Так и умер. Заснул и не проснулся.

Вполне возможно, еще и оттого, что не мог видеть происходящего.

На кладбище Степанков спрятал слезы в струи дождя, во время поминок попытка что-то сказать не удалась, перехватило горло. Стоял, сжав стакан с водкой, и молчал. Его поняли. На него старались не смотреть. Кто-то, разряжая ситуацию, сказал: «Светлая память, хороший был человек». «Царство ему небесное», – тотчас подхватил женский голос, вроде бы Ирины Золотаревой, давней подруги семьи. Выпили. Потом женщины мыли посуду, мужики – бывшие

сослуживцы, соседи – курили в форточку, подходили, сочувственно дотрагивались до плеча, брали за локоть, говорили, как водится в таком случае: «Да, хороший был человек... Таких сейчас мало... Бог прибирает лучших...»

Все потихоньку разошлись, и он остался один. Лежал в темноте и вновь, в который раз, пытался поговорить с отцом. Хоть вслед... Ему хотелось сказать какие-то слова благодарности, которых он никогда ему не говорил. И опять не то... все не то...

Так они и остались чужими-близкими людьми, неразгаданными друг для друга.

Когда Володя окончил институт, они отдалились еще больше. Володя тогда метался, хотел начинать свой собственный бизнес в Москве, копил деньги на открытие дела и пахал на нескольких работах, крутился изо всех сил. Ни советом, ни делом отец ему помочь не мог, да и не хотел, он вообще словно бы демонстрировал равнодушие к судьбе сына.

Умный, красивый в молодости, отец отдал всего себя неизвестно кому, чему, за что. Здоровья нет, денег нет, и сам собой недоволен, да и другим счастья от этого нет. И какая-то рабская покорность в нем появилась, особенно раздражавшая сына.

Вот тогда Володя и решил сделать все возможное, чтобы не стать таким, как отец. А теперь он один. Родители ушли, деда с бабушкой давно нет. Весь их мир ушел. А казалось, вечно будет этот городок, куда можно приехать, встретиться с... С кем? Друзья-сверстники то ли разбегались, то ли поспивались, а иные так вообще в тюрьме.

А он когда-то думал, что встанет на ноги, заберет к себе родителей, купит матери стиральную машину, как когда-то купил духи. А может, и не стиральную, а легковую! Не успел...

Теперь вот все есть. По его, Степанкова, меркам, высоким меркам, – все. Нет только родителей. Нет близких людей. Мамы. Отца. Бабушки. Деда. Теперь он абсолютно независим. Как абсолютный нуль. Еще остался, как островок прошлого, – Михаил Золотарев.

Мысль о Михаиле мгновенно вернула Степанкова с дождливого кладбища, поминок, темноты отцовского дома, когда там, в безмолвном разговоре с навсегда ушедшим родным человеком, он начал нащупывать едва уловимую ниточку связи, забрезживший лучик понимания чего-то, вот-вот обещавшего открыться. Так бывает при большом горе. Потом время стирает из памяти самое болезненное, самое острое (жить-то надо!), и все постепенно налаживается, всплывающая время от времени чем-то саднящим, горьким.

Степанков отогнал от себя назойливые мысли. Все-все, пора расслабиться. Завтра трудный день. Он и так позволил себе много лишнего. Вот, познакомился с Зоей Павловной, поговорил. Завтра пошлет ей с охранником деньги на учебу ее внучки, и дело с концом. Эта проблема будет решена.

О, если бы наш герой, дорогой мой читатель, мог только предположить, что его ожидает! Если бы знал, сколько невыносимого горя и столь же невыносимого счастья подстерегает его. И все из-за этой мимолетной и ни к чему особо не обязывающей, как ему казалось, встречи. И еще неизвестно, что перевесило бы – благородство или разумная осторожность. Но он ничего не знал. Поэтому мучился воспоминаниями, необходимостью позвонить Михаилу и, казалось бы, простым желанием: разобрать наконец коробки, привезенные из дома. Казалось бы...

Проблема с Михаилом занимала его больше всего. Мишка помнит его родителей, даже дедушку с бабушкой...

«Надо покончить со всем этим, а то лишаешься сил, нужных для строительства капитализма», – усмехнулся Степанков. И чтобы совсем не лишиться не только сил, но и сна, решил прямо сейчас позвонить Мишке, извиниться, а серьезный разговор оставить на потом. И надо же, чтобы такая каша заварилась именно с Мишкой. Ведь это же его самый первый друг. Был до недавнего времени... Степанков помнил, как тот его поддерживал, когда он был бедным сту-

дентом, а Михаил – уже известным московским художником, владельцем мастерской, участником московских вернисажей, своим человеком среди мэтров.

Они всегда были друзьями, сколько он себя помнил. Потом один из них стал бизнесменом, другой – художником. Но бизнесмен оказался востребованным жизнью, а художник – нет. В этом-то и заключалась проблема.

Степанков покрутил льдинки в стакане, послушал, как они звякают. И даже джин он впервые попробовал у Мишки в мастерской. Как давно и как совсем недавно это было. И как изменилась ситуация.

Володя нащупал на мягкой коже рыжего кресла трубку радиотелефона, приглушил звук телевизора, набрал номер. Старый друг, старая история. Господи, надо же было так запутаться! Он не любил усложнившихся отношений, всегда считал, что главное во всем – в делах, в дружбе – ясность. Все остальное – для слабонервных дамочек и изнеженных маменькиных сынков.

У Михаила долго не брали трубку, и Степанков уже было собрался облегченно щелкнуть отбой, но тут послышался вкрадчивый, воркующий голос:

– Аллоооо...

– Привет, Лариса! Это я. Миша дома?

– А-а-а, нашлась драгоценная пропажа! Куда же ты подевался? И мобильник отключил... Мы и не надеялись на такое счастье... А он сам объявился. – Лариса говорила манерно, растягивая слова, видно, тем самым изображая иностранный акцент. Она всегда кому-то подражала, кого-то ненавидела, кого-то обожала. Это распространялось и на мужа, которого она завоевала тем, что сразу поставила на пьедестал как творческую личность, далекую от мирской суеты, гонимую и непонятую.

Степанков терпеливо дал Ларисе возможность побыть томной и ироничной.

– Лариса, Миша дома? – повторил он спокойно.

С Ларисой они были знакомы еще до того, как она стала женой Михаила. Больше, чем знакомы. Но и романом это тоже нельзя назвать. Так, игра в роман. Ее игра.

В трубке слышались шаркающие шаги, а потом и недовольный голос:

– Аллю, Володька, ну ты че, совсем уже? Позвонить не мог? Я ждал тебя два часа. – Последовало грязное ругательство. Подобного Мишка себе раньше не позволял.

Степанков понял, что друг его пьян.

– Ты совсем, того... зазнался, чувак, да? Думаешь, со мной все можно, да?

– Не горячись, Михаил. И прости. Я не мог тебя предупредить. Там мобильник не берет, а дело важное, не мог отойти.

– Так прямо два часа и не мог? Ну, ты даешь... – Это ругательство было еще грязнее.

– Интересно, где Лариса? Ты и при ней материшься?

– Да к черту вас всех, надоели мне все... – Язык у него заплетался.

– Ладно, Миша, проспись, потом поговорим. Я тебе позвоню. Не сердись, так получилось. Ну, пока. – И чтобы не слышать ответа, быстро нажал на кнопку отбоя.

Ну вот, еще раз он отложил важный для них обоих разговор. Заварилась каша, медлить дальше некуда. Надо все ему объяснить. Поговорить бы с кем-нибудь мудрым, с той же Зоей Павловной. Она опытная и умная.

С этим твердым решением Степанков отправился в свою безупречную спальню богатого холостяка.

Он опустил светозащитные рулоны на окнах, задернул шторы: июнь, светает рано, и невольно просыпаешься с восходом солнца, хотя можно еще поспать. А так до звонка будильника сон обеспечен.

Степанков с удовольствием встал босыми ногами на белую новозеландскую овечью шкуру, откинул покрывало и бухнулся на широченную кровать с водяным матрасом. Когда

он выбирал мебель, то кровать в его запросах занимала особое место. Этот предмет представлялся ему центром дома. Денег на нее он не пожалел.

Он помнил дом родителей, общежитие, бывал у немногих друзей-москвичей, но настоящий комфорт увидел только в заграничных гостиницах, когда стал выезжать за рубеж. И полюбил этот богатый, спокойный и защищенный от всех напастей (так казалось до появления террористов) мир больших гостиниц типа «Рэдиссон». И так захотелось добиться такого же комфорта в своем доме. Только дом должен быть, по его представлениям, лучше всякой гостиницы. Например, вот такой «навороченной» и дорогой кровати нет ни в одном известном ему отеле. Эта штука была удобной, широченной и... Но Степанков предпочитал ни с кем ее не делить...

...В ближайшие выходные – гасла в сознании побеждаемая сном мысль – он разберет ящики, привезенные из родительского дома. Надо купить альбомы для старых фотографий... Старые пластинки и проигрыватель выставить в гостиную. Самовару тоже где-нибудь найдется место. Надо посмотреть, как там он впишется у камина...

Москва, декабрь 1991-го

Яркое зимнее солнце, казалось, смогло забраться в самые потаенные закоулки аудитории, Степанков зажмурился от слепящего света и помотал головой. И почему он выбрал этот стол? Куда бы пересестись? Но нигде поблизости свободного места не было.

Только рядом с Ларисой Свиридовой. Эх!..

– Какая формула там справа, на доске? Это R? – Он повернулся к соседям и принялся лихорадочно переписывать.

– Молодой человек, что вы там возитесь и болтаете? Если вам неинтересно, вы можете выйти вон, я не обижусь, – пожилой преподаватель матанализа Васильев, маленький и округлый, как шар, считал себя страдающим от мягкости собственного характера, а потому никогда в тонкости не вникал и относился к студентам максимально строго.

– Не вижу формулы, солнце слепит, – буркнул Степанков.

– Так пересядьте, – недовольно пожал плечами Васильев.

Степанков в очередной раз тоскливым взглядом окинул аудиторию. К Свиридовой садиться не хотелось, облако ее терпких духов – испытание на любителя. Но, видимо, придется.

Он махнул рукой и, подхватив свои вещи, быстро пересел за другой стол в соседнем ряду.

– Не против? – полушепотом поинтересовался он, уже устрояваясь и раскладывая тетради.

«Не стоит с ней слишком-то церемониться, пусть не думает, что все у ее ног. А то парни перед ней все хвосты распускают и млеют, но я не такой».

Девушка свысока поглядела на нового соседа и, высокомерно фыркнув, отвернулась.

«Фря какая, – с неприязнью подумал Степанков, – строит из себя невесть что. А сама такая же лимита, как и мы. Но водится только с коренными москвичами. Просто ее родители неплохо получают в своей Тюмени, вот и присылают ей денег. А она тратит их на тряпки». Он демонстративно отвернулся и, заметив, что немного отстал от преподавателя, принялся торопливо списывать с доски уравнения.

Шел третий час зачета. Даже отличники сегодня как-то приуныли и, покидая аудиторию, радовались четверке. Пятерка же была чем-то фантастическим, из разряда выигрыша в лотерею: бывает, случается, но не с тобой и даже не с соседями. Простым смертным такой подарок фортуны недоступен. Васильев на экзаменах и проверочных работах отличался невероятной жесткостью и въедливостью, мог спросить из любого раздела, задать самый каверзный вопрос, выявляющий понимание предмета, и тут уже ничего не спасет, ни конспект лекций на коленях, ни подсказки друзей.

Но сегодня дела Степанкова были не то чтобы совсем плохи: задачу он практически решил, лекции знал и сейчас, дав себе минуту отдыха, осматривался. Отличники уже ответили, на передних столах корпели хорошисты, Свиридова за его спиной яростно шепталась с соседями. Видать, ничего не знает, как всегда.

Еще немного помучив задачку, он отправился отвечать и относительно легко получил четверку. Собирая вещи, он обернулся и поймал беспомощный взгляд Свиридовой.

Повинуясь какому-то непонятному импульсу, спросил шепотом:

– Ты чего? Никак?

Она в отчаянии помотала головой:

– Лекций нету.

Он пару секунд колебался, потом украдкой протянул ей конспекты, написанные аккуратным мелким почерком, и сказал:

– Давай сюда задачу, может, придумаю чего...

И все так же украдкой взяв листочек, так, чтобы Васильев не видел и, не дай бог, не передумал насчет его собственной оценки, вышел из аудитории.

– Кто еще не заходил? – спросил он толкавшихся у двери ребят.

– Я, – просипел Курылев, высокий долговязый парень, лоботряс и тугодум.

– Когда пойдешь?

– Минут через пятнадцать, после Егорова, – с тоской протянул парень.

– Передашь кое-кому листок. Я сейчас... – кивнул Степанков и побежал в студенческое кафе.

С точными науками он неплохо справлялся. Немного повозившись, все-таки решил не подававшуюся девушке задачку, опрометью метнулся назад и всучил Курылеву исписанный листок.

– Вот, передай Свиридовой, скажи, пусть перепишет, пару раз зачеркнет что-нибудь для реалистичности.

– А ты что, в свиридовские поклонники записался? Там и так народу полно, – с ехидцей поинтересовался Курылев, но, наткнувшись на металлический взгляд, пробормотал: – Ладно, передам.

На следующий день Степанкова, кутившего в институтском дворике, окликнула Свиридова:

– Ну, здравствуй, герой. Если бы не ты, я бы вчера завалила зачет.

Степанков взглянул на приветливо улыбающуюся какой-то искрящейся заразительной улыбкой девушку и спросил:

– Ну и какой результат?

– Тройка, – с гордостью ответила она. – Спасибо тебе, Володечка. Думала, что все, погибаю. Тогда был бы второй несданный предмет, дополнительная сессия и, – она картинно развела руками, – пугающая неизвестность.

– Ну, ты бы выкрутилась, – насмешливо сказал Степанков, – что ты так боишься?

– Зря ты так, – глаза Ларисы вдруг стали непривычно серьезными, – ты не знаешь моих родителей. Это, может быть, только так кажется, что у меня все просто.

– У всех все сложно, Лариса. Просто не бывает ни у кого.

Степанков недоумевал: сейчас Лариса была не похожа на саму себя и вела себя совсем иначе, нежели обычно. Куда делась эта фальшивая приклеенная маска?

– У тебя еще есть дела в институте? – неожиданно спросила девушка и снова улыбнулась.

Он пожал плечами: сессия заканчивалась, оставался один легкий экзамен, да и то через четыре дня.

– Пожалуй, на сегодня дел больше нет, – сказал он и, не выдержав, тоже улыбнулся.

– А давай пройдемся? В кафе заглянем? Должна же я тебя как-то отблагодарить, – то ли в шутку, то ли всерьез предложила Лариса.

– Ну, давай, коли не шутишь, – удивился Степанков.

Они вышли из институтского двора и отправились куда глаза глядят: вначале, конечно, в ЦПКиО, потом в Нескучный сад, в кино, а куда потом, Степанков и сам уже не помнил. Они бродили до самого вечера, несмотря на мороз, попутно заходя в кафешки, заказывали там кофе, недорогой коньяк, ели пирожки и шли дальше.

Степанков с удивлением заметил, что ему совсем не скучно, даже наоборот. Девушка, которую он считал легкомысленной пустышкой, думающей только о новых платьях и кавалерах, оказывается, могла быть совсем другой. Она рассказывала ему про однокурсников, которых знала гораздо лучше, чем он, ее оценки оказывались меткими и точными, к месту мягко шутила, да так удачно, что оба взрывались смехом.

Когда поздним вечером они сидели на скамейке перед общежитием, он вдруг сказал ей:

– Я даже не думал, что ты такая...

Она немного грустно улыбнулась:

– Ты считал меня глупой?

– Не знаю, – он стушевался, уже жалея о своей откровенности.

– Да говори уж правду. Я не обижусь.

– Если честно, то раньше я считал тебя куклой. Фальшивой куклой. Ты ведь со всеми парнями кокетничаешь, флиртуешь. Такое ощущение, что тебе никто по-настоящему не дорог. А оказывается, ты можешь быть искренней, настоящей, что ли...

Ее темные глаза затуманились, и, впервые видя их так близко, Степанков подумал, что они, пожалуй, обладают какой-то завораживающей силой.

Их отношения были какими-то странными. Сам Степанков не смог бы дать им точное определение. Дружба? Флирт? Влюбленность? Они довольно много времени проводили вместе: гуляли, пили крепленое вино на студенческих вечеринках, болтали о том о сем. Он помогал ей решать заковыристые задачи, давал лекции и старался отгонять мысль о том, что она сблизилась с ним из-за корысти. В конце концов, желающих помочь ей – предостаточно. А он не самый талантливый и умный парень в группе. Но что в нем привлекало Ларису, он бы не смог ответить. Пожалуй, в глубине души понимал, что все это несерьезно – она ведь была записной красоткой, роковой женщиной, в нее влюблялись многие парни. А она кокетничала со всеми, улыбалась, стреляла глазками налево и направо, ходила курить с парнями из «престижных» семей. Раньше его раздражало это, а сейчас, похоже, он и сам попался, с грустью думал иногда Степанков. Может быть, она начинала ему нравиться все больше и больше, но об этом он тоже предпочитал не думать...

Как-то утром он шел по коридору общежития к приятелю из параллельной группы, с которым они вместе занимались в институтской секции баскетбола, чтобы договориться о тренировке. Он уже завернул за угол коридора, когда за спиной скрипнула дверь. Степанков машинально обернулся и застыл. Из чьей-то комнаты выпорхнула Лариса и, не заметив его, пошла в противоположную сторону. Когда она скрылась из виду, Степанков подошел к двери и обнаружил, что в этой комнате жил знаменитый Богатырев, двухметровый здоровяк, сын какой-то ленинградской «шишки».

Лариса ночевала там? Что это значит? Она, конечно, никому ничего не должна объяснять, но ему вдруг стало неприятно.

В институте он не поздоровался с ней и на первой паре вообще старался не смотреть в ее сторону и не замечать. Он не знал, как себя вести. Сделать вид, что ничего не видел, он не сможет. Они ведь вроде симпатизировали друг другу, много времени проводили вместе, и все это похоже на циничное предательство. Мол, дружба в свободное время, а дела порознь. В том, что «делом» был именно Богатырев, Степанков уже не сомневался.

На перемене она поймала его, отвела в сторону и, крепко держа за рукав и заглядывая в глаза, спросила:

– Я перед тобой в чем-нибудь виновата?

Он отвел взгляд.

– Да что случилось-то, Степанков? Белены объелся?

– Ничего. Я просто кое в чем ошибался.

– Это в чем же? – она повысила голос.

– Мне просто интересно, как некоторые мои знакомые успевают и учиться, и по ночам проводить время в богатыревских апартаментах... – с неожиданной горячностью, не выдержав, выпалил Степанков.

– Ах, вот ты о чем! Об этом... – Ему показалось, что Лариса на миг опустила глаза и закусила губу, но она тут же расхохоталась: – Глупый! Это же полная ерунда! Какие ночи? Я к нему утром зашла, книгу забрать. Учебник по технологии обработки металлов... Вот, – и она торопливо сунула руку в сумку, извлекла учебник и потрясла им перед носом Степанкова. – Мне для реферата нужно. Зимой не подсутилась, когда выдавали учебники, а теперь приходится одалживать, в библиотеке на всех экземпляров не хватает.

– А с каких это пор ты сама пишешь рефераты?

– А ты ревнуешь, – торжествующе заявила она, сияя.

– Кто? Я? Вот еще глупость. Просто подумал, что ты зря растрачиваешь себя так глупо.

– Не знаю, не знаю... Похоже на ревность, – она рассмеялась и вдруг чмокнула его в щеку.

– Просто мне казалось, что мы... – Он запнулся.

– Что – мы? – с любопытством глядя на него, спросила Лариса.

– Ладно. Сейчас не время говорить об этом, скоро пара. Мы тут с тобой всю перемену проболтали.

– Давай, говори, Отелло. – Глаза у нее загорелись.

– Ну, тебе важно наше общение? У нас может быть что-то большее? – спросил он ее, глядя в сторону.

– Я думаю, думаю, что... – она старательно подбирала слова. – Я не знаю, что у нас сложится в будущем... Еще слишком рано загадывать. Но все может быть. Пока я могу сказать, что ты мне симпатичен. И мне важно, что ты думаешь...

– Я думаю, что ты мерзко себя ведешь. Ходишь, кокетничаешь со всеми.

– Ну, хочешь, я больше не буду с ними общаться? Обещаю.

– Хочу. И не бегай больше курить на черную лестницу, – запальчиво выпалил он.

– Хорошо. Будем вместе с тобой ходить.

– Я бросил курить, между прочим, и тебе не советую.

– Придется тебе снова начать...

Ничего конкретного между ними тогда не было сказано, как он потом сообразил. Но их отношения с этого дня изменились. Она и вправду как будто немного остепенилась и большую часть времени проводила с ним. С остальными парнями только здоровалась, и то как-то отстраненно. Многие из их группы начали думать, что у них роман или по крайней мере дело близится к нему стремительными темпами. Но между ними почему-то ничего особенного не происходило: ни поцелуев, ни более тесных интимных прикосновений. Какое-то непонятное – дружеское? влюбленное? – равновесие.

Он уже привык к такой своей роли и утешал себя тем, что им нужно поближе узнать друг друга, что так даже лучше. Их отношения были легкими и ненавязчивыми, он втянулся независимо от своего желания в ее игру и принял ее правила.

Иногда он одергивал себя: ты что, старик, влюбляешься, что ли? Это просто ни к чему не обязывающий флирт, дурачество. Ты же знаешь Ларису. Скольким парням она задурила голову, а потом бросила? Сколько у нее было таких вот поклонников-неудачников? Она же звезда потока, а то и всего курса.

Но в глубине души его назойливо точило сомнение: а что, если у них все будет иначе? Может, он, Степанков, и правда не разбирается в людях, и Лариса на самом деле способна на глубокие чувства. А учебник, который она якобы взяла у Богатырева... Дался ему этот учебник. Ну, можно же представить, что человеку рано утром понадобилась книга. Ведь может же быть такое...

Говоря честно, Степанков был не очень доволен собой. С одной стороны, он стал студентом столичного института, вырвался из провинциального городка, который даже не на всех

картах отмечен, дышит вольным ветром. Но вот остался всего один год до окончания учебы, а он даже не знает, что ему делать дальше. Что-то в жизни у него не ладилось, не складывалось, не доставалось ему счастливой улыбки фортуны.

Вон Мишка уже добился успеха, а ведь они вместе приехали из их богом забытого городка. Ну да, Степанкову уже и тогда фортуна не улыбалась: провалился на экзаменах в институт, вернулся домой, пошел в армию...

Но потом же поступил! Но друга уже было не догнать. Его уже завертело, закружило совсем на других орбитах.

Сколько его помнил Степанков, столько Мишка и рисовал.

Школьные годы, как это и сказано в песне, были для них чудесными. А если в это время рядом с тобой настоящий друг – то время это остается в памяти на всю жизнь: видеть друга, говорить с ним, играть, ссориться, мириться, иметь единое мнение. Они упивались своей дружбой, сделали ее культом. Хотя учились в разных классах. Но ждали перемен, встречались после уроков, вместе шли домой, им всегда находилось, о чем поговорить. Когда у одного была контрольная, а следующий такой же урок – у другого, то первый обязательно собирал все варианты с правильными ответами и передавал другу. Хотя оба учились хорошо и в принципе не нуждались в готовых ответах. Но обмен результатами контрольных был знаком их дружбы.

Миша рисовал потрясающе – уверенно и увлеченно. Рисовал все время, свободное от уроков, игр и прочих необходимых дел. Рисовал и во время уроков. Учителя сначала сердились, потом смирились и не трогали его. У Степанкова не было столь выдающихся способностей. Как говорил его дед – «полный бездарь».

– В таких, как ты, нуждается наш завод, – смеялся дед. Он, конечно, шутил и, может быть, этим подталкивал внука к тому, что тот должен учиться лучше...

Вот он и учится, а что толку...

А Мишка только-только институт закончил, а уже сколько достижений: обласкан многими известными живописцами, деятелями культуры, персональная выставка в институте, в Центральном доме художника. Даже обещают в Польшу поездку устроить. И устроят. Потому что Мишка и правда достоин, он художник от природы, от бога. А Степанков что? Все ему дается с трудом, с усилием. Ни особых успехов в учебе, ни у женщин, ни даже среди товарищей-студентов: балагурить не умеет, себя как-то подать, выделить – тоже. Потому и полезными связями-знакомствами не обзавелся. И никаких талантов: на себя только рассчитывать придется, на труд и на волю. Среди ребят ничем не выделяется: середнячок, таких больше всего. Понятно, почему Лариса не ищет с ним более близких отношений. Только вот в профессии он разбирается, но это же ни о чем не говорит. По всему видно: возвращаться ему домой на свой комбинат или ехать в какой-нибудь мелкий городишко и потихоньку деградировать там и спиваться...

В светлом платье, стройная, с тонкой талией, больше похожая на какую-то изящную статуэтку, чем на земную женщину из плоти и крови, Лариса стояла у эскалатора. Увидев Степанкова, она всем телом потянулась к нему и, кокетливо заложив ногу за ногу, помахала сумочкой. Дежурная чуть неприязненно взглянула на нее из своей стеклянной будки. Степанков сошел с эскалатора, слегка приобнял девушку, с наслаждением погрузился в окружавшее ее облако ароматов. Теперь ему нравились ее сладковатые духи.

– Куда пойдем, Вольдемар? – промурлыкала она.

– Сейчас гулять, а потом, на вечер, я приготовил тебе сюрприз.

– Я люблю сюрпризы, – засмеялась девушка, и ее звонкий смех разнесся под сводами метро серебристым колокольчиком.

Сегодня важный день. Он так долго ждал, одновременно хотел и боялся познакомиться двух таких близких ему людей. Отчасти он хотел произвести впечатление на Ларису: смотри, мол, какие у меня друзья, я тоже не лыком шит. Ну что же поделать, если больше ему козырять особо нечем...

– А как же такая девушка в Горный институт угодила? – весело спросил Миша. Они стояли в его мастерской и рассматривали последние работы.

– У меня родители из Тюмени, вот и отправили учиться, чтобы династию продолжала, – засмеялась девушка. – А вы здорово рисуете.

– Пишете, – поправил Ларису Степанков, – надо говорить: «пишете»...

– Ха-ха, – пробасил Миша, – ладно, не придирайся, пусть говорит, как хочет. – Он повернулся к Ларисе. – Давай на «ты»?

Со временем он приобрел необычную манеру говорить: громко и как-то пафосно. Степанкову впервые стал почему-то немного неприятен его слишком наигранный смех, безапелляционный тон. Так он общается со своими богемными приятелями, что ли?

– Зря ты себя там закопала. А не пробовала натурщицей поработать? Я думаю, у тебя получилось бы, такая фактура. Такие глаза, волосы. Шикарная фактура.

– Ну, я даже и не думала об этом... – жеманно ответила Лариса, с интересом рассматривая мастерскую.

Степанков тихо присвистнул. Между этими двумя явно что-то происходит. Миша-то не знает, что Лариса нравится Степанкову, он бы никогда не стал переходить другу дорогу. Да и сейчас бахвалится скорее по привычке, так уж у них в творческой среде принято. Увидел симпатичную девушку, интересное лицо и завел свою шарманку. А так он почти блаженный, девушками особо не интересуется...

– Давайте перекусим? – предложил тем временем Миша.

И, не дожидаясь ответа, выдвинул стол на середину комнаты, выставил снедь, деликатесную в то время: копченую колбасу, шпроты, шампанское, вино – и пододвинул Ларисе стул, не замечая явной двусмысленности такой любезности. Степанков откупорил бутылку вина, разлил по бокалам и, взяв себе один, отошел к стене, где висели картины.

– Как прошла твоя выставка в ЦДХ? – спросил он, надеясь отвлечь разговор от обсуждения Ларисиных достоинств. Он был на выставке и, в общем-то, знал о Мишкином успехе.

– Слушай, здорово. Чигатаев очень хвалил, а это уже самый высокий уровень. В «Комсомолке» статья должна выйти...

Это ему только показалось, или действительно глаза Ларисы загорелись огнем, смех обрел столь знакомые искусственные интонации, даже голос изменился? Или это его страхи? Она как будто чуть подвинулась в сторону художника, как бы случайно задевая его рукой, выставляя напоказ голые колени. Настроение у Степанкова все больше портилось, и он ничего не мог с этим поделать. Оставалось только налить себе еще вина.

– Ну, а как твоя поездка в Польшу? – уныло спросил он Мишу, а у самого как-то противно засосало под ложечкой, на минуту захотелось, чтобы Мишка вместе с его Польшей куда-нибудь исчез. Но тут же стало стыдно. Из-за бабы с друзьями не расстанутся. Да и друг тут ни при чем. Это Лариса, ее кокетство, ее выбор.

– Ах, а что это за поездка? – всплеснула руками девушка.

– Это меня хотели на выставку академического рисунка в национальной Академии художеств в Варшаве отправить. Я сам-то сомневался. Если честно, думаю, рановато мне еще. Слишком большая ответственность. Но, видимо, придется-таки поехать. Все настаивают, езжай, мол. Золотарев, не бойсь... Только Политов против меня, хочет своего сыночка продвинуть. Но он в меньшинстве. А у тебя как? – как будто опомнился Мишка. – Что мы только обо мне-то?

– Я вот, наверное, в наш городок поеду на лето. Как только сдам сессию. А то устал что-то от шумной московской жизни. И вообще, надо думать, что дальше делать, после института.

Миша важно кивнул, как будто невольно подчеркивая этим ничтожность жизни Степанкова по сравнению с его собственной.

А Лариса-то, Лариса, с которой он вел ожесточенный спор уже месяц до этого, уговаривавшая его не ехать домой и остаться в Москве, сейчас только подняла брови, поглядела стеклянными глазами как будто сквозь него и сказала:

– Правда? Хотя, может, тебе и лучше съездить, навестить родных. А то еще полгода не увидишь.

– Ну, ты сам решай, – поддакнул Миша. – Я-то точно не поеду, работы неупроторот. А давайте-ка музыку включим?

Он подошел к магнитофону, поставил какую-то кассету. Из динамиков упруго вырвалась ритмичная музыка.

– «Modern Talking», – улыбнулся хозяин.

– Здорово! Пойдем танцевать? Я так люблю танцевать, – сладко потянулась на стуле Лариса. Она выглядела уже порядком опьяневшей, хотя Степанков не видел, чтобы она много пила.

– А ты? – Лариса потянула его за собой. Но Степанков довольно резко сбросил ее руку:

– Нет настроения.

– Он сегодня такой надутый с самого утра, – капризно протянула Лариса, словно извиняясь за Степанкова.

Она извивалась вокруг Миши в изощренных танцевальных па, демонстрируя, видимо, все, на что была способна. Тот, довольный, приплясывал рядом, постоянно попадая не в такт музыке. Быстрая песня закончилась, и началась медленная. Вдруг Лариса приобняла его и доверчиво положила руки на плечи.

Степанков чуть не поперхнулся. Она заигрывает с Мишей. Явно, без всякого стеснения, прямо у него на глазах. А тот, кажется, ничего не замечает. Он всегда был немного не от мира сего. А что означают ее недавние слова? Что это вообще было? Мираж? Просто обман? Видимо, ожидание большой и чистой, а главное – перспективной любви. А ты, дурак, поверил ей. Уши развесил. Она даже тебя не стесняется. Ну что ж, сам виноват. Впредь наука будет.

Она на его глазах превратилась в прежнюю Ларису, стреляющую глазами налево и направо, кокетничавшую напропалую. Это вдруг отрезвило его, словно ушат холодной воды за шиворот вылили. Смотреть на знакомый спектакль было неприятно. Он взял свою куртку и тихо вышел из мастерской.

Они даже не заметили, как он ушел.

Лариса пришла к нему спустя три недели, села на уголок кровати и тихо сказала:

– Ты прости меня, Володя. Мне просто назад ехать нельзя.

Степанков молчал, только нервно теребил край клеенки, покрывавшей тумбочку.

– Ты ничего не понимаешь... Какие у меня перспективы? – вдруг зарыдала она. – Мне в Тюмень нельзя, там у меня ничего нет. Мама мне даже сапоги зимой не давала, чтобы я по улицам не шлялась. А мне шестнадцать лет тогда было, мне с друзьями гулять хотелось, свободы хотелось. Разве это плохо? – Она посмотрела полными слез глазами на Степанкова. Он ничего не сказал. – Я как-то сбежала от нее в одних валенках, а она потом не открыла мне дверь. Закалка у нее такая ленинская, комсомолка идейная. И дочь такой же хотела вырастить. Хотела, чтобы я на завод шла. А в столице, мол, одно безобразие. Я тогда тайком уехала поступать, только отсюда потом письмо прислала. Так она вообще год со мной не разговаривала, на письма не отвечала. Потом смирилась, отошла. Если вернусь – она меня съест.

– Можно жить простой жизнью, необязательно расхаживать в шелках. Сама говоришь, хуже, чем то, что было, уже не будет. Можно уехать в какой-нибудь Томск или Новосибирск, получить работу, комнату в общежитии...

Глаза Ларисы моментально высохли, и взгляд стал холодным и жестким.

– Как ты не понимаешь? Я всю жизнь провела в таком городе. Я хочу другого! Совсем другого! Жизнь-то у нас одна.

– Ну да, а ты молодая и красивая. Ты не переживай, не оправдывайся. Я тебя отпускаю, хотя и не держал никогда. Устраивай свою жизнь.

Она вскочила, крепко обхватила его и так сидела, пока он не разнял ее руки. Потом тяжело поднялась и подошла к двери, взялась за ручку...

– А как же посылки родителей? Деньги... – спросил вдогонку Степанков, сообразив что-то.

– Это... Это папка. У него другая семья уже давно. Но как только узнал, что я поступила, стал слать. Может, мать потому такая и злая была всю жизнь, – сказала она задумчиво.

Все произошло очень быстро. Мише он так ничего и не сказал. Лариса тоже, видимо, не спешила откровенничать. Вначале она все чаще оставалась в мастерской, поселиться там было делом техники, а уж потом и стать женой надежды русской живописи.

– Я так рад, – говорил Степанкову друг, – как будто даже писать стал больше. У меня первый раз такое... Так все быстро закрутилось, сам не ожидал. Но это, наверное, и к лучшему. Да? А как она тебе? Вы же вроде дружили?

А Степанков только скрежетал зубами и отворачивался.

Симпатия к Ларисе прошла, как наваждение, но еще долго потом он ругал себя за то, что позволил тогда себе увлечься, поверить во что-то серьезное. На свадьбу Мишки и Ларисы Степанков не пошел, уехал домой на все лето.

Насколько же легче женщине состояться, чем мужчине. Правильный расчет, и только. Но, наверное, только Степанков видел ее такой. Михаил смотрел на это иначе.

Все же нужно признать, что у его друзей сложился на редкость удачный брак. Лариса без устали превозносила таланты и заслуги мужа, и в этом была ее сила. Она стала его музой. Удивительно, до чего же мужики, особенно «творческие личности», падки на лесть. Мишка и на самом деле был прирожденным художником. Дар ли это был, талант или такой способ выражения себя, его язык, которым он общался с миром, непонятно. Но у него получалось. Детское увлечение стало его призванием...

Теперь, когда Степанков смотрел на Ларису, он иногда невольно сравнивал ее со смазливой девчонкой, которой та была когда-то, и понимал, что она заметно постарела, хотя и старается держать себя в форме. Он пытался раскопать в себе хоть какие-то признаки злорадства, но чувствовал только равнодушие и... брезгливость.

Москва, июнь 2008-го

Выйдя из подъезда в сопровождении охранников, Степанков в очередной раз подивился ненормальному июньскому холоду. Дождь моросил со вчерашнего вечера.

Высаженные недавно на дворовой клумбе цветы стали прозрачными, как будто были сделаны из промокнувшей бумаги.

В машине он отдал распоряжения на день. Самому обходительному и взрослому из своих парней, бывшему десантнику Юре, поручил позвонить Зое Павловне, встретиться с ней и вручить деньги. Имя и телефон были написаны на конверте с деньгами.

– Будь повежливее. Дама пожилая, натура тонкая. Понял?

– Так у меня теща тоже тонкая. Не бойсь, Владимир Иванович, знаю, как с ними обращаться.

Вечером этот же конверт, но уже без денег, возвратился к Володе. В нем лежала записка:

«Уважаемый Владимир Иванович! Сердечно благодарю Вас за помощь. Приходите к нам в гости 14 июня в 17 часов. Мы отмечаем день рождения нашей Лизоньки. Хочу познакомить Вас со своей семьей».

Далее следовал адрес.

Смешная эта Зоя Павловна. Она и не подозревает, что его встречи расписаны на месяц вперед. 14 июня... это будет суббота, он едет в гольф-клуб. Обещал деловому партнеру. После гольфа все пойдут в баню, там и начнутся главные разговоры о делах. Наутро проснется с тяжелой головой. Хорошо, если один... Хотя можно этого избежать: в гольф-клуб с утра, а потом к Зое Павловне на детский праздник. Освободиться к пяти вполне реально. А разговоры? Собственно, там ничего не решится, будут обсуждать хорошо известное. Просто привыкли, что у него нет личной жизни, вернее, что он один, без семьи, и приглашают как старого холостяка. Слава богу, хоть сватать активно перестали. К этому он их приучил.

За десять дней он успел побывать и на Востоке, и на Западе. Восток он переносил хуже. Как правило, трудно восстанавливались биоритмы. В пятницу он возвратился из Сингапура. Утром в субботу, преодолевая накопившуюся усталость, поехал в гольф-клуб, промок, продрог, поколотил по мячу, забив в лунку последний, распрощался с партнерами и уехал в Москву. Охрану на выходные он отпустил.

Дома принял душ: горячая вода из водонагревателя текла тонкой струйкой, а центральную систему, как всегда летом, отключили. Степанков замерз еще больше, крепко растерся полотенцем, надел выходной костюм, сунул в портфель бутылку виски (на всякий случай!), деньги, мобильник. По дороге купил большой букет – светлые розы – одиннадцать штук.

Степанков не любил новые дальние районы. Ясенево вообще-то не было особо дальним районом. Даже окраиной перестало быть лет десять назад. Черемушки теперь вовсе центр. «Это вы, провинциалы, живете в центре», – иронично говорила Лариса. Джип «Чероки» лихо повернул во двор и встал у подъезда.

Степанков вбежал с букетом в обшарпанный и разрисованный граффити подъезд, нажал кнопку на двери, обитой темным, под кожу, материалом. Звонок затренькал, и дверь распахнулась. В освещенном из коридора дверном проеме стояла молодая женщина. Светлые длинные волосы, легкий макияж на бледном худощавом лице, маленькое черное платье. Ну прямо героиня из времен итальянского неореализма: Дзаваттини, Висконти, Де Сика, Росселини... А, конечно... это Анна Маньяни... В молодости. Уж очень черты лица схожие!

– Проходите, – улыбнулась «Анна Маньяни в молодости», – я Мила, мама Лизы. – И пока пробирались по коридору на шум в комнате, скороговоркой, шепотом продолжала: – Я вам очень благодарна. Очень. Вы не представляете, насколько. Вы нас так выручили, так выру-

чили... Расписку я подготовила. Без расписок денег сейчас не дают? Да? – Все это не требовало ни подтверждения, ни отрицания со стороны Степанкова. – Пойдемте, гости уже в сборе.

Девушка говорила слова благодарности, но как-то сухо, безразлично. Видимо, она старалась этим подчеркнуть, что мы, мол, сегодня бедные, но знавали времена и получше. Степанков собрался было что-то сказать, поднял глаза и... увидел ее макушку прямо перед глазами. Макушка была неопределенного темного цвета, а дальше волосы спадали уже светлыми, льняными прядями.

Темные у корней волосы, как шапочка, закрывали середину головы. Беседовать с затылком Степанков считал для себя неудобным. Странная особа.

Комната оказалась небольшой, букет в руках Степанкова казался здесь огромным. Громко играли на фортепьяно. За инструментом, спиной ко всем, сидела черноволосая девочка, лица ее он не видел. Худые локти энергично двигались, длинные волосы скользили по натянутой, как струна, спине, когда она встряхивала головой. Мила взяла букет, ушла с ним на кухню и быстро вернулась, неся цветы в керамической вазе.

Володя огляделся. На стульях, вдоль стен, сидели взрослые, в основном женщины. Они внимательно слушали юную пианистку. Середина комнаты была свободна. В одном углу стоял низкий столик с разноцветными бутылками, сладостями, тортом, пластиковыми яркими стаканами, очевидно, для детей, в другом, у открытого балкона, – обычный стол под белой скатертью, для взрослых. На подоконнике в вазах – тюльпаны и нарциссы.

Растаял последний аккорд, музыка смолкла. Девочка продолжала сидеть, опустив руки на клавиши. Гости захлопали. Дети стали шумно усаживаться за свой стол.

Зоя Павловна подхватила, взяв под локоть, Владимира и вывела его на середину комнаты.

– Прошу знакомиться, друзья мои. Представляю – Владимир Степанков, мой молодой друг. Он совершенно неожиданно появился в нашей жизни. Вы знаете, что я верю в чудеса, и немного надо мной посмеиваетесь. Однако Володя – живое подтверждение моих, так сказать, суеверий. Больше ничего не буду говорить, а то разревусь. Я уже и сейчас... Володя, вы меня простите, представлять в отдельности каждому не буду. Сами, сами... как-нибудь...

Тем временем Степанков краем глаза видел, как Мила подошла к пианино, взяла дочку за руку и отвела к детскому столу. Девочка (в больших для ее хрупкого, узкого лица очках) держала голову опущенной, и темные волосы опять не позволили рассмотреть ее как следует. На ней было темно-синее бархатное платье с белым воротником, и она казалась маленькой принцессой. Двигалась она уверенно, и мать отпустила ее, подтолкнув к низенькому стулу. Мимолетом она потрепала по голове шустрого мальчишку, сказала несколько не услышанных Степанковым слов, как будто скомандовала детям приступить, и тут же, оказавшись среди взрослых, стала обносить их подносом с бокалами. При этом говорила как бы и тост:

– Дорогие друзья! Сегодня у нас день рождения Лизоньки. Ей исполнилось тринадцать лет. Она уже взрослая! Мы поздравляем тебя, доченька! Сегодня один из лучших дней моей жизни. – Она бросила внимательный взгляд на собравшихся. – Дорогие взрослые! У нас, как видите, несколько тесновато, потому мы и модничаем: решили устроить фуршет. Берите тарелочки, берите все, что нравится, угощайтесь... Милости просим!

Нестройно зазвенели бокалы, загремели тарелки. Блюда с маленькими румяными пирожками, на листьях салата разложены бутерброды. Шампанское, вино. Ничего крепкого. В этом доме не пьют водку, а на коньяк нет денег. Однако дом, похоже, с претензиями. «И что это меня сюда принесло? Благодетель хренов. Хотел же только поздравить и быстро уйти. Дел действительно полно. Но их, с другой стороны, всегда полно. А здесь как-то не по себе, неловко и – и... хорошо».

Мила скользила между гостей и, казалось, была одновременно всюду: угощала взрослых, не забывала и детский стол, принимала поздравления, благодарила за подарки.

А от Степанкова не отходила Зоя Павловна:

– Володя, попробуйте эти пирожки. Это пекла я. С капустой, с луком и яйцом. А вот с мясом. Лизонька родилась в июне, и мы всегда печем к этому дню пирожки с зеленым луком и яйцом. Это как начало летнего сезона. Вы позволите, я познакомлю вас с Лизонькиным учителем. – Она подвела Володю к кругленькому лысому мужчине в вытертом до блеска костюме. – Дмитрий Сергеевич учит нашу девочку со второго класса.

– Очень, очень приятно! – Кругленький дяденька поклонился и внимательно посмотрел на Степанкова голубыми кроткими глазками. – Да, да, Зое Павловне и Милочке есть чем гордиться. – Он взглянул на Лизу. – Девочка очень-очень талантлива и крайне, крайне трудолюбива. Талантов много. Каждый ребенок талантлив. По-своему, конечно. Особенно девочки, знаете ли... К нам приходят невероятно, невероятно талантливые дети. Но... они не умеют работать! Нет, нет, не потому, что ленивы. Просто не могут... физическая, знаете ли, организация иная. Время, время такое. Вот, например, ничего не могут учить наизусть. Просто не могут, и все тут. А у нас, знаете ли, память нужна. Механическая память, понимаете?

Голубоглазый Дмитрий Сергеевич задумался, устремив взор куда-то в пространство и, казалось, совсем забыв о собеседнике.

– А что, дети в разные времена разные? – спросил Степанков для поддержания разговора. – Вы действительно считаете, что у Лизы талант, большие способности? – понизил он голос.

Дмитрий Сергеевич очнулся, недоуменно посмотрел на него, словно припоминая, откуда он взялся.

– Да не шепчите, не шепчите, вы. У нашей именинницы, знаете ли, отменный острый слух. Да-с, беру на себя смелость утверждать, что девочка незаурядных способностей. Говорю со всей ответственностью. А вы долго собираетесь спонсировать этот проект? Ведь вы – спонсор? Я правильно угадал? Ха-ха... У вас есть и другие музыкальные проекты?

Степанков чувствовал, что краснеет, чего с ним давно не бывало.

– Я не волшебник, Дмитрий Сергеевич, я только учусь. – Степанков устремился к тарелочке с пирожками...

Виновница торжества заливисто хохотала в кругу детей. Зоя Павловна стояла с бокалом в руке, как на светском рауте, оживленно беседуя с такими же пожилыми дамами. Мила руководила праздником. Свекровь с одобрением поглядывала на нее. Наконец распорядительница подошла и к Владимиру. Теперь он мог рассмотреть ее поближе. Патрицианский профиль, красивая посадка головы, хрупкие пальцы без колец, стройные ноги, остроносые туфли на плоской подошве. Володя понял, что она с ним одного роста. Ей не нужно поднимать голову, чтобы встретиться с ним глазами. И они, ее глаза, были яркими, темно-зелеными, казалось, без дна. Словом, опасно...

– Владимир Иванович, вы попробовали пирожки? Нравится? В ресторане «Пушкин» лучше?

«Когда писатели пишут о глазах, что они глубоки, как омут, – думал Степанков, – то, наверное, как раз и имеют в виду такие вот глаза. Ведь искрятся же...»

И тут он только заметил, что Мила смеется.

– Что же вы молчите? И зачем-то с портфелем по комнате ходите? Или так у вас, крупных бизнесменов и меценатов, положено?

Только тут Степанков заметил, что все еще держит портфель в руках. Конфуз. Как же он ел пирожки-то? Загадка. Ох, Степанков, Степанков... Осторожно, что-то происходит: зеленые глаза, странное поведение портфеля... Пирожки с яйцом и зеленым луком под шампанское. Неспроста все это, неспроста...

– Я унесу его в спальню, – серьезно сказала Мила, хотя в глазах ее прыгали чертики, – там его никто не похитит.

Она взяла портфель. В нем предательски булькнуло. Их взгляды встретились. У нее в глазах снова заплясали озорные чертики.

– Вы угощайтесь, угощайтесь... Свекровь пекла сама, своими руками.

Гости шумели, оживленно разговаривали. Эта публика, очевидно, привыкла к фуршетам.

Дети за маленьким столиком расправились со сладким и фруктами и начали баловаться. На середину комнаты вышел Дмитрий Сергеевич, отправил детей мыть руки, а потом построил их в два ряда, как хор. Гости расселись, и Степанков, разумеется, оказался рядом с Зоей Павловной. За инструмент села Мила. Дмитрий Сергеевич взмахнул пухлыми ручками, и дети запели: «У дороги чибис...»

Забытая песенка из советского детства. Солировала именинница. У нее действительно оказался несильный, но чистый нежный голос. Толстые стекла очков увеличивали глаза, и девочка с тонкими ножками и ручками была похожа на стрекозу. Она не ощущала своей некрасивости, пела самозабвенно, стараясь изо всех своих маленьких сил. Володя вдруг подумал, как, наверное, счастливы родители такой девочки. Бог отнял у нее возможность быть обычной, а взамен одарил способностью вот так петь и играть, выражать свои чувства так, как другие выразить не могут. Но он тут же вспомнил, что Лизинему отцу нет никакого дела до собственного ребенка.

Потом были спеты и другие песни, одна лучше другой. Чувствовалось, что хор сложенный, сработавшийся. Дмитрий Сергеевич лишь слегка помахивал ручками да с гордостью поглядывал на слушателей.

Время летело, и настала пора собираться по домам. Володя подошел к Миле, сказал о том, как хорошо поет девочка. И пожалел об этом.

Мила напряглась, сузила темно-зеленые глаза и выпалила фразу, наверняка заготовленную заранее:

– Да, Владимир Иванович, ей это еще пригодится. Мы имеем шанс стать профессиональными попрошайками. Бабушка уже начала, а мы продолжим. По вагонам станем ходить. Шарманку купим. Вы нам на шарманку дадите? – Она в упор, даже как-то зло, смотрела на Степанкова.

Он опешил от неожиданности, потом опомнился и подчеркнуто сухо попросил:

– Вы бы лучше мне портфельчик принесли. А то скажете, что я к вам пришел навеки поселиться, или еще какую-нибудь гадость.

Мила бросилась в спальню, взметнулись светлые волосы, мелькнула темная макушка. Вернулась с портфелем:

– Простите, что-то нашло на меня. Глупо получилось...

Уже в дверях, когда он попрощался с Зоей Павловной, еще раз добавила:

– Простите, нервы... Вы здесь ни при чем. Вы хороший, наверное. Это я – психопатка. А это все-таки возьмите... Так мне будет спокойнее, проще...

Степанков взял расписку, пробежал глазами, бросил ее в портфель, там опять звякнула бутылка. Степанков достал визитницу, вынул карточку и протянул Миле:

– Ничего, все было хорошо. Если понадобится еще какую-нибудь гадость сказать, звоните. Я это коллекционирую. Буду рад.

– Тогда хоть сейчас. Вот: раньше на прощание руку целовали, а теперь подают холодную бумажку. Неплохо?

– Да так, – поморщился Степанков, – серединка на половинку. Что-то средненькое... Между «плохо» и «очень плохо»...

Мила улыбнулась и вышла за ним на лестничную клетку.

– Давно хочу сходить в консерваторию, на концерт Рахманинова. Не составите компанию? – неожиданно для самого себя предложил Степанков.

– У нас говорят «в концерт». А вы ходите на Рахманинова? А я думала, что вы слушаете только «Любэ». Кстати, что вы слушаете в машине, Богдана Титомира? Или Жанну Агузарову?

– Да где уж нам... Наше развитие остановилось на «Плачет девочка в автомате, перекошенное лицо...». Ну, до свидания. Надумаете пойти на Рахманинова, звоните.

На улице Степанков почувствовал, что его знобит. Он все же простыл. Надо срочно лечиться: понедельник день тяжелый.

Дома, позабыв о намерении «полечиться», Степанков нырнул в постель. Ему снился родной дом. Как будто из большого старого шифоньера вышла мама, и он спросил, куда же они все подевались, а она вынула из нагрудного кармана пиджака, из такого, какой носил дедушка, несколько паспортов, раскрыла их, как веер, и сказала: «Смотри, никуда я не подевалась. Вот я тут, с тобой». Степанков проснулся и резко сел в кровати.

Воскресенье. Никуда не надо идти. Пришла пора разобрать ящики. Сон – это сигнал.

Москва, июнь 1994-го

Она робко нажала кнопку звонка и прислушалась. Где-то за дверью раздалась заливи-стая трель, и снова воцарилась тишина. Все здесь было чудно, совсем иначе, чем у нее дома в Муроме.

Начать с того, что не успела она выйти с вокзала, как Москва навалилась на нее огромным пугающим клубком звуков, света, огней, пространства, людей, машин...

Мила стояла оглушенная на ступеньках, смотрела на площадь, раскинувшуюся перед ней. К ней то и дело подходили какие-то жуликоватого вида мужики и нараспев предлагали: «Такси не нужно?»

Но она держала в руках бумажку, аккуратно исписанную тонким маминым почерком, на которой четко значилось: ехать на метро девять остановок. Она вздохнула, повертела головой и направилась к подземному переходу, волоча за собой тяжеленный чемодан и сумку.

Этот чемодан был предметом долгих изнурительных пререканий между ней и матерью.

– Зачем тебе столько вещей? Ты же не успеешь все их надеть, всего на месяц едешь... – ворчала мама, помогая ей собираться и сядясь на чемодан сверху, чтобы утрамбовать его получше, пока дочь пыталась застегнуть «молнию».

– Ну, как же, мам, это же Москва. Там все модные ходят, не то что тут, в провинции, – возражала Мила, и глаза ее горели счастливым огнем.

«Молния» упрямо не застегивалась. И они снова и снова открывали чемодан и вынимали из него какое-нибудь платье или юбку, из-за которых тут же разгорался яростный спор.

Наконец мама махнула рукой и ушла на кухню:

– Сама будешь тащить, дурочка.

– Буду, – прошептала Мила, блаженно улыбнулась и, откинувшись на узкую тахту, принялась мечтать. Уже завтра поезд, а потом месяц в Москве. Еще недавно это и представить-то было сложно, но все-таки она уговорила маму. И та, пусть и нехотя, позвонила сестре в Москву.

Громоздкий чемодан и правда оказался нешуточной помехой, его было тяжело нести, а огромные размеры мешали другим пассажирам. Но Мила, однажды решившись мужественно переносить трудности, безропотно тащила его, ни разу не попросив никого о помощи.

Через сорок минут она вышла на нужной ей станции. Тут было совсем иначе, нежели в центре.

С одной стороны раскинулся пустырь, с другой стояли одинаковые высотные дома. Настолько одинаковые, что Мила тут же заблудилась. К тому же здания были помечены как-то странно: номер дома, а потом еще корпуса под номерами 1, 2, 3... Чтобы найти нужный дом, приходилось обойти несколько.

Наконец, окончательно взмокнув и устав, она остановилась у подъезда. Подъезд был оборудован домофоном, но Миле не пришлось с ним возиться, одновременно с ней заходила какая-то старушка, она-то и пропустила Милу.

И теперь она стояла перед дверью. Сердце ее вдруг замерло, она оробела. Ей долго не открывали, наконец, заскрежетали замки, и дверь открылась, выпустив на лестницу облако пара.

– Вам кого? – недружелюбно спросила полная женщина в халате и бигуди, пристально оглядывая девушку с ног до головы. Очевидно, хозяйка занималась банными процедурами и была недовольна, что ее потревожили.

– Я Мила, Антонины Петровны дочь, она вам писала... – растерянно пролепетала Мила. Она уже было подумала, что ошиблась адресом, как вдруг женщина хлопнула себя по лбу и всплеснула руками:

– Милка, ты, что ли? Мы же тебя послезавтра ждали, Тоня чего-то напутала, – недоуменно протянула она. – Ну, проходи, раз приехала, раздевайся. Я тетя Наташа. А мы-то думали, ты в среду приедешь, тут Люська подружку просила на ночь оставить, – говорила через полчаса тетя Наташа, уже аккуратно причесанная. Они с Милой сидели на кухне, пили кофе, хозяйка курила, выпуская дым в форточку, и расспрашивала девушку: – Как там мамка твоя поживает? Мы с Тонькой уже поди сколько лет не виделись... После смерти бабушки...

Мила знала, что сестры не особенно тесно общались, но ради дочери Антонина Петровна после ее долгих уговоров и слез смирила свою гордость и попросила Наташу принять племянницу.

– Да нормально поживает, летом в основном на огороде... – Мила чувствовала себя немного неуютно рядом с этой бесцеремонной, говорливой женщиной, но сразу уйти в свою комнату было бы невежливо.

– Ну, хрен ей, Люське! Я ей вообще запрещаю сюда своих подружек приводить. Шляется неизвестно где, а уже десять вечера. Никакого уважения к матери. Лучше бы с родственниками посидела. Верно я говорю?

Мила несмело кивнула и отхлебнула кофе, да так неловко, что обожглась.

– Да ты пей, пей... Вот сволочь, Люська, о матери совсем не думает. А с другой стороны, ей теперь тоже нелегко. Парень ее, лоботряс, ну, Антон этот, в армию загремел. Так что у них вроде как прощальные прогулки. Где-то на ВДНХ шарятся. А ты сама какими судьбами-то тут? В институт поступать?

– Я уже учусь в институте. Первый курс закончила во Владимире. Иняз.

– А, это у себя, там? – тетя Наташа неопределенно мотнула головой.

– Да. А приехала, чтобы Москву посмотреть...

– Ну, дело хорошее, – заметила тетя Наташа и как-то по-особенному взглянула на племянницу. – Ладно, пойдем, покажу тебе квартиру. Вот ванная, можешь ей пользоваться. Но старайся утром, когда я на работу уйду, не торчать тут подолгу. Пол водой не заливай, если зальешь, вот тут тряпка, протри сразу. Полотенцем этим не пользуйся, оно у нас декоративное, что ли, для украшения, – поучала тетя Наташа, водя Милу по квартире.

Ей было перечислено еще множество этих самых «не»: нельзя громко включать телевизор, нельзя кормить кота едой со стола, нельзя ложиться в одежде на покрывало и так далее... Мила поежилась. Все тут было напоказ, не для себя, не для жизни, как она привыкла, а для демонстрации чужим людям. Музей какой-то... Дорогостоящая техника, посуда, вазы стояли и ждали гостей, видимо, более важных для хозяйки, чем Мила.

Все поведение тетки прямо-таки иллюстрировало известное выражение: «Чувствуй себя как дома, но не забывай, что ты в гостях».

Девушке казалось, что ее приезду не очень-то рады и на просьбу принять ответили согласием только из приличий, все-таки племянница. Тетке не нравилось, когда она мельтешила перед глазами, поэтому девушка старалась отсиживаться в комнате Люси, куда ее поселили, и при любой возможности уходить из дома.

В те минуты, когда тетя Наташа беседовала с племянницей, говорила она преимущественно о себе и дочери, вполуха слушая Милу.

Двоюродная сестра Люся Миле понравилась. Она чем-то неуловимо походила на мать, только была живее и непосредственнее. Старшая сестра Люси, Таня, жила отдельно с мужем, но часто заходила к матери перехватить денег до полочки или просто поделиться бабьими секретами.

Мила в Москве не скучала. Рано утром, пока еще не проснулись тетка с дочерью, она умывалась, проскальзывала на кухню, быстро завтракала и, взяв с собой пару бутербродов, отправлялась гулять. Цели своих путешествий она находила в атласе, купленном на вокзале. В знаменитые усадьбы Архангельское, Останкино, Кусково она ездила по несколько раз, ей очень

нравилось там. Музеи, театры, выставки, парки, столичный шум и пестрота – все восхищало ее и приводило в восторг.

По вечерам они сидели и болтали с Люсей. В основном Люся рассказывала о своем парне.

– Ведь Антон с четвертого курса вылетел. Прикинь, как обидно? Сессию зимнюю завалил. А декан на принцип пошел. Денег на взятку-то нет, вот и загребут, – мрачно говорила девушка.

– И ты будешь его ждать? – с замиранием сердца спрашивала Мила. Сама эта ситуация казалась ей полной драматизма.

– Не знаю. Ему говорю, что буду. Но я боюсь даже думать об этом. Буду, наверное. – И Люська на этом месте обычно начинала плакать.

– Познакомишь нас?

– Конечно, скоро провожать будем – через неделю. Вместе пойдем.

Тетя Наташа была исполнена обычного своего скептицизма.

– Дура ты, и все, – ворчала она на дочь.

– Это почему же дура? Сама больно умная, вон за папку выскочила в восемнадцать, – обижалась Люська.

– Тогда время другое было. А сейчас о себе надо думать. Институт заканчивать и работу искать. А то выбрала какого-то двоечника, и больше ни о чем голова не болит.

– Да что ты понимаешь, – взрывалась Люся и выбегала из комнаты.

Настал день проводов Антона в армию. Люся уже неделю почти ничего не ела, ходила мрачная и задумчивая.

– Совсем пропала девка, – озабоченно вздыхала мать.

Мила с Люсей сначала заехали за Таней, которая хотела составить им компанию, поддержать сестру, они с Антоном хорошо знали друг друга. Потом все вместе поехали к сборному пункту. Во дворе толпились молодые люди с рюкзаками, почти всех провожали родственники. Люся повертела головой, но Антона не увидела. Тут Таня слегка пихнула ее в бок локтем и кивнула на физиономию светловолосого парня, осторожно выглядывавшего из-за угла дома.

– Ну, что, девчонки, вина купили? – Антон окликнул их, улыбаясь во весь рот. – Я только что из комиссариата, вон, уже билет получил. – И Антон помахал тоненькой книжицей. Рядом с ним стоял, чуть насмешливо глядя на девиц, невысокий молодой парень.

– Купили, – Таня одной рукой высоко подняла пакет с продуктами и помахала другой рукой.

– Ты что лыбишься, идиот? – сердито спросила Люся, когда они присели на скамейку в небольшом скверике неподалеку.

– Люська, ты чего? Мне повеситься теперь, что ли? Неприятности надо воспринимать с юмором. Правильно, Танька? – парень явно храбрился. – Может, это у меня защита такая. А это кто? Познакомь нас. – И он кивнул на Милу.

– А, это Мила, моя двоюродная сестра из Мурома. Мила, это Антон, как ты уже догадалась, мой парень, а вот это Арсений, его друг.

Арсений слегка склонил голову в дурашливом поклоне, глаза его не отрывались от Милы.

– Да, Арсений мой друг. Только в этот раз ему повезло больше, чем мне. Ему еще год учиться, а потом осенний призыв. – Антон криво улыбнулся. Всем стало очевидно, что он сильно переживает. Куда больше, чем хочет показать. – Ладно, давайте отметим. Танька, разливай.

– Может, не надо? Уже сколько дней отмечаем. Сейчас опять полное врачебное обследование будет, а ты пьяный.

– Да мы чисто символически. И вообще, думаешь, им выгодно меня в армию не брать? Главное, что я в наличии, остальное их не волнует.

Люся нервничала все больше и больше. Она молча налила себе стаканчик вина до самых краев и выпила одним махом.

– Говорят, всех сегодня в Балашиху повезут, – задумчиво сообщил Антон.

– Там нормально вроде, – заметил Арсений.

– Ну, что, Люська, будешь меня ждать? – Прозвучало это шутливо, но всем стало не по себе.

– Да миллион раз уже говорили на эту тему, что ты заладил? – с раздражением ответила девушка.

Мила сидела на скамейке, пила дешевое вино и чувствовала, что Арсений не отводит от нее взгляда. Пару раз она тоже взглянула на него тайком, но тут же наткнулась на его немигающие гипнотизирующие глаза. Это было и страшно, и возбуждающе интересно. В голове начинало шуметь, то ли от вина, то ли от присутствия этого человека. А он стоял, небрежно облокотившись о дерево, и ничего не говорил ей, только смотрел.

Потом Антона с Люсей оставили наедине – попрощаться – и отправились к метро. Таня спешила домой к мужу и, увидев свой автобус, наспех чмокнула Милу и кивнула Арсению:

– Поеду на этом, мне так быстрее. Проводишь Милку? Смотри мне...

– Провожу, – коротко ответил парень.

– Да не надо, я сама доберусь, – несмело запротестовала девушка. Ей было неловко и страшновато остаться с ним наедине.

– Не скромничай, пусть до самой двери проводит, – подмигнула ей Таня и прыгнула в автобус.

Арсений как будто и не особенно хотел провожать девушку, согласился лишь из вежливости и сейчас, скучая, поглядывал по сторонам. Мила удивилась и немного обиделась. «Сам за эти два часа чуть дырку во мне не проделал, все смотрел...» – с досадой подумала она.

– Пойдемте? – Арсений неопределенно повел рукой.

– Я вполне могу добраться сама. – Мила старалась, чтобы ее голос звучал спокойно.

– Ну уж нет. Я же обещал Тане, а обещания надо выполнять. – И он, подхватив ее под руку, чуть ли не потащил за собой. – А вы тут какими судьбами? – спросил он, после того как они несколько минут шли молча.

– У меня каникулы, вот я и приехала.

– И как вам Москва?

Он почему-то упорно обращался к ней на «вы», чем смущал еще больше. Но постепенно она освоилась и начала рассказывать про то, что видела, что ей понравилось, а что нет. Он внимательно слушал, не перебивая, потом начал рассказывать что-то свое, и девушка с удивлением поняла, что он интересный рассказчик. Время пролетело незаметно, и, как ей показалось, они очень быстро дошли до метро. Пора было прощаться.

– Вам ведь тоже придется идти в армию? – задала она волновавший ее вопрос.

– Мне грозит следующий осенний призыв. Вот, ходил, советовался. Совсем не хочется, если честно.

– И отсрочек нет? И способов никаких перенести?

– Пока не знаю. Я попытаюсь, конечно... Пока не знаю, как. Но это совершенно неважно. Скажите, вы очень торопитесь домой?

Мила растерянно молчала, не зная, что ответить. С одной стороны, домой не хотелось, но сказать об этом вот так прямо...

– Я понял. Значит, нет. Мы сейчас с вами пойдем в одно место. Вам там обязательно понравится.

В тот вечер Мила с непривычки выпила гораздо больше обычного, и шум в голове все усиливался, предметы кружились, расплывались перед глазами. А Арсений все подливал ей шампанского в бокал. В кафе, куда он ее привел, было много шумной, нетрезвой молодежи, но

ее это не напрягало, наоборот, она поддавалась общему настроению какого-то ожесточенного веселья. Уже поздно вечером они подошли к ее дому, она открыла дверь подъезда, и тут он почти насильно схватил ее, привлек к себе и с силой впился губами в ее губы. Потом исчез в темноте, не прощаясь.

Мила, которую до этого клонило в сон, вдруг почувствовала себя удивительно трезвой и выспавшейся. Она лежала без сна чуть ли не до утра, глядя в потолок, наблюдая за причудливыми тенями качающихся деревьев, слушая загадочные шорохи на улице, и думала, вспоминала...

«А вдруг он исчезнет и больше никогда не появится? Конечно, я познакомилась с ним через Люсю и всегда смогу взять у нее номер его телефона, но самолюбие не позволит мне искать его. Тем более, если он не появится, значит, это не более чем развлечение с его стороны».

К утру она с ужасом поняла, что влюбилась, но подумать об этом как следует уже не успела, потому что вдруг разом провалилась в сон...

Тетя Наташа слышала, как прокралась в спальню, стараясь не шуметь, ее племянница, как беспокойно ворочалась она в постели, и уже предвкушала, как расскажет об этом своей сестре. О том, что ее собственная дочь Люся дома в эту ночь даже не появилась, она почему-то не думала.

А в двенадцать часов дня Арсений уже звонил в дверь, разом развеяв все Милены ночные страхи.

Миле нравился его характер, волевой, решительный, уверенный в себе. Несмотря на то что они общались всего несколько дней, девушка успела немного узнать его. Обычно он не спрашивал ее мнения, даже о мелочах, но она принимала это за ухаживание и заботу о ней. Ей казалось, что он оберегает ее от лишних трудностей, ненужных обязанностей, ведь выбирать – это тоже работа. И он делает ее за двоих, облегчая ей жизнь.

Если Арсений брал билеты в кино, то сам решал, на какой фильм они пойдут и какие места займут. Он же вставал в кассу, пока Мила прогуливалась где-нибудь в фойе и рассматривала афиши. На какой сеанс они идут, она узнавала только потом, но часто ей нравился его выбор.

– Есть элемент неожиданности... – шутила она.

Если они шли в кафе, то он сам выбирал столик, который нравился ему, заказывал еду. Ей казалось и это справедливым, ведь он угощал ее на свои деньги и имел право распоряжаться ими по своему усмотрению. А то, что ей не понравился салат или пирожное, она не показывала, боясь обидеть чересчур предупредительного кавалера.

«Мужчина должен решать за свою женщину все ее проблемы», – говорил он, а ей не хотелось спорить и производить впечатление склочного человека.

Но когда он пригласил ее домой, то наткнулся на невиданное сопротивление. Обычно покорная его воле, мягкая и уступчивая девушка отказалась наотрез, не помогали ни хитрости, ни уговоры.

Она сидела за столиком кафе напротив него, напряженная, полная решимости стоять на своем до конца, хотя на глазах ее уже проступили слезы, так жестко он с ней разговаривал и так давил на нее.

– Ты что же, думаешь, я хочу тебе плохого? Ты не доверяешь мне? – он как будто изумлялся и оскорблялся таким ее поведением, расценивая отказ как обиду.

Мила отрицательно покачала головой.

– Ну, хорошо, если нет, то я, пожалуй, приму твое решение. Я давить не буду. Просто сделаю выводы.

– Ну, зачем ты так? Ты же знаешь, что очень нравишься мне. Я бы не стала с тобой гулять, если бы это было не так, – с болью сказала девушка и подняла на парня глаза, полные слез. Но он, казалось, не слушал ее и по-прежнему был непреклонен:

– Тогда я сейчас просто уйду, и ты больше меня никогда не увидишь. Знаешь, почему я так сделаю? Думаешь, это обычная мужская уловка, шантаж... Все для того, чтобы затащить очередную дурочку в постель? Думай так, если хочешь, мне, видимо, тебя не переубедить. Но я смотрю на это иначе. Есть простая истина: если человек нравится, то нравится сразу. И любая девушка понимает это. И если я тебе нравлюсь, но ты мне не доверяешь, тогда о чем тут говорить? Или ты просто идешь на поводу каких-то дурацких предрассудков? Тогда это чистое притворство и игра, и с таким человеком мне тоже не по пути. Есть еще один вариант. Я тебе не нравлюсь, значит, ты мне целую неделю просто пудрила мозги. Ну что ж, я смирюсь, впредь буду умнее. Обидно, ведь ты мне стала очень дорога. Прощай.

Арсений поднялся из-за столика, вынул из кошелька купюру, презрительно кинул ее на стол и быстро вышел из кафе. Мила сидела несколько секунд неподвижно, не в силах пошевелиться, поверить, что это происходит с ней. Ее что – вот так бросили? Нет, не может этого быть. Ведь ей нравится Арсений...

Она выскочила из кафе. Сердце ее колотилось так, что грозило просто вырваться наружу. Ей казалось, что он не мог далеко уйти и она его сейчас догонит, но улица была пуста. Девушку охватило отчаянье, но тут кто-то сзади мягко обнял ее за плечи...

Он открыл дверь квартиры своим ключом.

– У тебя дома кто-нибудь есть? – спросила срывающимся шепотом Мила.

– Да, мать только.

Мила похолодела, ей вовсе не улыбалось знакомиться с родительницей Арсения.

– Но она не услышит, – он ободряюще улыбнулся и подтолкнул девушку в прихожую.

Но мама услышала. То ли она ждала сына у двери, то ли он слишком шумно ковырялся ключом в замке, но когда они тихонько вошли, в коридоре вдруг вспыхнул свет. Напротив них стояла женщина, кутавшаяся в теплую кофту. Она внимательно, с иронией наблюдала за ними. В глазах ее искрились смешинки.

– Что это вы крадетесь, как нашкодившие щенки? – усмехнулась она. – Проходите, гнать не буду.

– Познакомься, Мила. – Тон Арсения стал официальным и немного пафосным, он явно смутился, но старался не показывать этого. – Моя мама, Зоя Павловна, мой первый друг и товарищ. Мама, это Мила, ей переночевать негде.

Мама Арсения была симпатичной, чуть полноватой блондинкой с платиновыми волосами.

– И ты, конечно, предложил ей свою помощь? – усмехнулась она. – А вы почему в темноте-то?

– Я думал, ты спишь, – замялся Арсений.

– Проходите, не стесняйтесь, – пригласила Зоя Павловна Милу, – Арсений бывает такой невежливый. Сын, предложи девушке чаю.

– Да не беспокойся, мам, – облегченно и радостно отозвался он, – мы только что из кафе.

– Ну-ну, – пробормотала она и, улыбнувшись, ушла.

Он привел ее к себе в комнату, усадил на кресло и внимательно взглянул в глаза.

– Надеюсь, ты не обиделась на меня. Я маме потом все объясню, – заверил он девушку, – это было нужно для приличий, чтобы не смущать тебя.

Мила послушно кивнула. Она решила в этом вопросе окончательно отдаться воле Арсения.

Огромная квартира поразила ее: высокие потолки, старинные обои на стенах, обстановка больше подходила для какого-нибудь дворянского дома.

– Мои предки были выдающимися преподавателями, учеными, – объяснил Арсений, – это от них такие хоромы остались.

– Может, мы с тобой поженимся, а, Милка? – сказал утром Арсений, задумчиво накручивая ее локоны на пальцы. – Ребеночка заведем... Ты ведь хочешь ребеночка?

– Ну, я не знаю... мне казалось, что еще рановато. Мы ведь совсем друг друга не знаем... – растерянно ответила Мила. Она была совсем не готова к такому повороту.

– А в постели тоже рано оказались? – с обидой спросил он.

Она промолчала.

– Это все ерунда. В тебе говорит твое мещанское провинциальное воспитание. Если люди любят друг друга, то терять время просто глупо и даже преступно. Ведь ты почувствовала что-то, поэтому и согласилась вчера поехать ко мне, – продолжил парень.

– Вообще-то я была против, – прошептала Мила.

– Брось, раз поехала, значит, хотела. А дети никогда не бывают рано, ты ведь совершеннолетняя, – безапелляционно и деловито продолжал Арсений, – дети, они ведь от любви, а ты же любишь меня. Правда ведь? – И он устремил на Милу пронизывающий взгляд...

– Ну, конечно, – поспешно закивала она.

– К тому же раньше родишь, потом не надо будет этот тяжелый период переживать, все проще будет, заботы, пеленки... А учиться всегда успеешь.

– Ну, я не знаю, наверное, это было бы замечательно, – нерешительно согласилась девушка.

– Жить пока здесь будем. Потом посмотрим.

– А как же твоя мама? – испугалась она. – Еще подумает, что я из-за московской прописки...

– Брось ты... Все нормально, ей-то какая разница. Только обрадуется, – уверил ее Арсений.

Мила удивилась: раньше между ними не было разговоров про любовь. Конечно, она испытывала к нему сильную симпатию, но считала, что на первой неделе знакомства говорить о любви просто несерьезно. Это чувство рождается не сразу, для этого должно пройти какое-то время. То, что произошло с ней за эту последнюю неделю, налетело как ураган, закрутило и перевернуло всю ее жизнь. Она была просто ошарашена и еще не успела разобраться в своих чувствах. Но Арсений упрямо стоял на своем и, не дав ей опомниться, предложил в этот же день перевезти к ним ее вещи.

Москва, июнь 2008-го

Разминка. Душ. Завтрак. Посуда – в мойку. Володя нашел в шкафу старые джинсы, свитер и, натянув все это, направился в лоджию. Начал с самого большого ящика, где хранились бабушкины вещи.

Сверху лежала старая бархатная скатерть. Красные с зеленым узоры заиграли в слабом свете пасмурного утра. Это была тяжелая парадная скатерть, не столовая. Одно время она даже висела как коврик на стенке у бабушкиной кровати.

Дальше шли книги. Все они неплохо сохранились. Черно-оранжево-красный Шекспир, серые томики Мопассана – полный огоньковский комплект, мушкетеры Дюма, много-много Золя, собрания сочинений Чехова, Бунина, Льва Толстого. Отдельные издания советских классиков: «Далеко от Москвы» Ажаева, «Брестская крепость» Смирнова, «Волоколамское шоссе» А. Бека... А вот и томики серии «Пламенные революционеры». Это то, что он читал в детстве, приходя к дедушке. Станным казалось то, что книги, которые он брал у деда, и те, которые изучались в школе, вроде бы были одинаковые, но все же чем-то отличались друг от друга. Хорошо было то, что уже знал содержание «Войны и мира», ее героев – прочел еще до того, как начали «проходить» в школе. Но в школьной программе это были какие-то другие герои. Имена те же, и говорят и делают то же, но все равно – другие люди. Объяснения учителей, пояснения в учебниках – одно, а его понимание содержания этих книг – другое.

Куда же теперь все это девать? По первоначальному замыслу, библиотеки в квартире не предполагалось. Это квартира для интернета, в котором все уже есть. Все необходимые книжки благополучно перекачаны в сеть, а новые все прибывают.

Бумажным изданиям здесь места не было. Степанков разложил книги стопочками у камина в гостиной. Провел пылесосом по корешкам, приятно запахло книжной пылью. Стало уютнее. Для книг придется заказать или купить шкаф. Стекло или дерево? Ладно, надо будет позвонить дизайнеру.

Во втором ящике – фотографии. Тяжелые альбомы из дома деда с бабушкой и родительский альбом. Самый старый – с лаковой китайской крышкой, а на ней – птичка из белой кости. Здесь – бабушкины предки. Ее дед, отец, дяди и тетки, братья, сестры. Со стороны деда – неизвестные родственники. Никаких кринолинов и кружевных зонтиков – все рабочие, мастеровые, которые пришли в город из села, с твердым взглядом и неестественно вытянувшиеся перед фотоаппаратом. Но было же в деде откуда-то врожденное благородство. Степанков хорошо это чувствовал и помнил.

Фотографии родителей в молодости. Вот улыбается беременная мама, отец держит ее за руку на фоне какого-то необычного памятника. Степанков такого не помнил. А вот отец в армии. Отец с друзьями. Маленькие фотографии «с уголком» для паспорта. Нет родных со стороны отца – матери, отца, деда... О родителях отец не говорил, как будто их никогда и не было. Ни сестер, ни братьев.

А что будет у него, у Владимира? Что он расскажет своим детям? Надо отобрать лучшие фотографии, самые близкие, дорогие, важные... Отсканировать, оцифровать, записать на диск, отпечатать, отдать в багетную мастерскую, чтобы сделали одинаковые рамки. И развесить на стенах. Пусть его близкие будут с ним. Пусть станут безмолвными, но участливыми спутниками его жизни. Решено.

Он продолжал рыться в ящиках. За окном темнело. Пора и перекусить. Степанков, путешествуя мыслями в прошлом, разогрел в микроволновке котлеты с гречкой, машинально жевал, думал о суете жизни и даже о вечности.

Вот что значит – разбирать архив, особенно своей семьи.

В следующем ящике он обнаружил потертый проигрыватель с набором старых пластинок, тут же перенес все это в гостиную, воткнул штепсель в розетку. Загорелся зеленый огонек. Первая попавшаяся пластинка – русские романсы в исполнении Бориса Штоколова. «Утро туманное, утро седое...» – запел, словно откуда-то издалека, густой бас. Голос заполнил комнату, заставил бросить работу, усадил в кресло. Надо было только слушать... слушать... Старенький проигрыватель работал прекрасно. Для него и для пластинок придется сделать отдельную тумбу. Пластинка не шипела, и низкий голос с приглушенным, спрятанным глубоко в душе рыданием сообщал слушателям о вечной тоске по милым и давно ушедшим людям. Федор Шаляпин да Борис Штоколов были самыми любимыми дедушкиными певцами. Бабушка с мамой любили Лемешева, Козловского, Кристалинскую, Новеллу Матвееву, Вертинского. Отец – Окуджаву и Высоцкого. Это были песни детства Володи Степанкова, и сейчас он был там, среди родных и близких. Песни из подворотни под три примитивных аккорда его никогда не понимали.

Так, книги и пластинки пересмотрены. Самовар завтра начистит Неля, и он определит ему место. Завтра же к вечеру вызовет дизайнера Алешу. Конечно, в концепцию свободного пространства и аскетического минимализма живая жизнь не вписывается. А может, в минимализме и жить-то нельзя? Это все ведь уловки рынка, быстро преходящие веяния моды и шоу-бизнеса. Идем на поводу у общества потребления? Хотя «техно» – это, конечно, вещь.

Металл – красиво, удобно, функционально. Но куда при этом девать книги, пластинки, альбомы с фотографиями? Может, Мишка что-нибудь подскажет? Надо, в конце концов, позвонить ему, они же так толком до сих пор и не поговорили.

Все. Сил больше нет. Он провозился со всем этим «наследством» целый день. «И как только люди в архивах работают? Зачем я всем этим занимаюсь?» Он принял душ из тонкой лейки нагревателя, улегся в кровать. Согрелся под одеялом.

Не спалось...

Москва, ноябрь 1998-го

В этот день у Степанкова была назначена важная встреча. Как всегда, собранный и готовый к атаке, он сидел на заднем сиденье машины, опустив веки. Сейчас он казался похожим на хищника перед стремительным ударом, его сонный вид был обманчив. Хотя в такие моменты он действительно ни о чем не размышлял, давно взял за правило – обдумывать все заранее, а перед самой встречей расслабляться. Но расслабление это полно внутренней энергии, он был подобен сжатой пружине. Они уже подъезжали, когда внезапно позвонил референт главы фирмы. Сославшись на непреодолимые обстоятельства и извинившись, он сообщил, что встречу придется перенести. Мол, у них срочная налоговая проверка или что-то в таком духе.

– Черт, – в сердцах выругался Степанков, – какая досада.

Намечался важный контракт, который никак нельзя упустить, время терять не хотелось, мало ли что может случиться. Он уже настроился на серьезный разговор, и теперь нужно выпустить пар, сбросить избыток адреналина. Но сейчас только середина дня, с работы не уедешь.

– Куда поедем, Владимир Иванович? – спросил Юрий.

«Сколько учу, по этикету охраннику не полагается первому начинать разговор», – подумал он с раздражением.

– Давай обратно в офис.

Охранник кивнул и профессиональным движением выкрутил руль, разворачиваясь на узкой улице. Ордынка, Якиманка, Крымский Вал, ЦДХ. Знакомые до боли маршруты. А вот и художники. Мнутя на морозе.

Мысли его были далеко, рассеянный взгляд блуждал по рядам с картинами отстраненно и чуть брезгливо – и посетители, и продавцы одеты бедно и выглядят как-то бесприютно.

«Халтурщики. Продадут невесту что наивным иностранцам. Паразитируют на искусстве. Сомнительная продукция низкого качества», – с раздражением подумал Степанков. Вдруг что-то приковало его взгляд. Он вздрогнул и попросил водителя остановить машину. Юрий удивленно глянул на шефа, но тут же выполнил приказ. Степанков принялся пристально рассматривать толпу, пытаясь понять, что же привлекло его внимание. Обычный человек проехал бы мимо, подумаешь, мало ли что померещилось, всякое бывает. Жизнь, наполненная миллионом мелких хлопот и огромным количеством информации, подчас ненужной, не оставляет времени на вдумчивое восприятие. Если на все обращать внимание, все запоминать, можно просто сойти с ума. Все-то мы делаем быстро, на ходу, суетясь и как бы проглатывая кусочки драгоценной жизни, повторения которой, увы, не будет.

Но Степанков не был бы столь успешным предпринимателем, «поднявшимся» в считанные годы, если бы не научился воспринимать мир чуть иначе. В отличие от многих богатых людей свое состояние он сделал в том числе и благодаря четкой работе интеллекта, умению видеть последствия событий и тонкие ниточки, связывающие эти самые события между собой.

И тогда он еще не знал, зачем попросил остановить машину, но понимал, что это нужно сделать.

Фигуры в темной одежде копошились у картин, мимо шли редкие прохожие. Вдруг в одном из продавцов ему почудилось что-то до боли знакомое, а когда тот повернулся, он узнал Мишку.

Степанкова, умевшего четко контролировать свои эмоции, неожиданно бросило в жар.

Что же это творится? Что он тут делает? Продает свои работы? И это Мишка, талантливый живописец, подававший такие надежды? Степанков попытался вспомнить, когда в последний раз видел друга. Давно это было. Еще до дефолта.

– Давай в офис, – сухо сказал он.

Эта идея родилась у Степанкова не сразу, он тогда долго мучился, все ломал голову, как помочь Мишке. «Как черт тогда под руку толкнул», – думал он потом. А начав, уже не мог отказаться. А ведь сначала мысль показалась ему удачной. Еще бы: он сможет помочь другу, не унизив его достоинства, оставшись в тени.

Через пару дней он вызвал сотрудника своей службы безопасности, работавшего в офисе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.